Брачный контракт кентавра

Автор:
Дарья Донцова

Брачный контракт кентавра

Дарья Донцова

Евлампия Романова. Следствие ведет дилетант #26

Наконец-то у меня, частного детектива Евлампии Романовой, отпуск! Можно заняться собственными делами, а не чужими преступлениями. Но, как всегда, отдохнуть мне не удалось! В наш коттедж заявилась незнакомая женщина, назвавшаяся дочерью бывших хозяев Татьяной Приваловой. Я по доброте душевной пустила ее в дом, а она «угостила» меня снотворным и украла вещи и деньги! Мой приятель Вовка Костин, осмотрев оставленные воровкой пожитки, заявил, что она недавно вернулась из зоны! Отлично! Потянув за эту ниточку, я смогу многое узнать о незваной гостье… Но это еще не все – у нас в доме появилось привидение, которое отзывается на имя Малюта Скуратов!!!

Дарья Донцова

Брачный контракт кентавра

Глава 1

Какие чувства вы испытаете, если утром, выйдя на кухню, увидите, что ваши дети перед тем, как отправиться в школу, вынесли мусор, помыли за собой чашки и подмели пол?

Когда я сегодня обнаружила в столовой идеальный порядок, сердце мое испуганно сжалось, я схватила мобильный и набрала нужный номер.

– Чего случилось? – спросила Лиза.

– Ты где? – ответила я вопросом на вопрос.

– Меня Сережка в Москву везет, – сказала девочка, – мы попали в пробку на МКАД.

– Вы с Кирюшей не завтракали? – с облегчением сообразила я.

– Ели кашу и тосты, – отрапортовала Лизавета.

– И куда подевались грязные кастрюля и тарелки? – насторожилась я.

– Они в посудомойке.

В придачу к сердцебиению прибавилась тошнота (от стресса у меня всегда начинает болеть желудок).

– А мусор? Он где?

Послышался шорох, затем раздались сдавленные голоса.

– Дай сюда!

– Это мне звонят!

– Жадина!

– Немедленно прекратите, – перебил детей баритон Сережки. – Устроили драку в машине!

– Она в мобильник вцепилась, – пожаловался Кирюшка.

– Лизавета, отдай брату аппарат, – распорядился Серега.

– Фигушки! – азартно воскликнула девочка. – У него свой есть. Сейчас все деньги на счету выговорит!

У меня, слушавшей нормальную подростковую перебранку, тяжесть с души как рукой сняло – вроде дети здоровы. Вот если бы они сидели тихо и вежливо беседовали, тогда я точно бы решила: накатила беда. Последний раз Кирюша сказал «Спасибо тебе, милая Лизочка, за книгу» в момент, когда температура у него зашкалила за 40°. А услыхав, как Лиза нежно ответила: «Пожалуйста, мне совсем не трудно тебе помочь», я ей за компанию поставила градусник: столбик показывал ту же цифру. Ребята тогда подхватили скарлатину. Но сейчас-то они привычно переругиваются, значит, их здоровье в полнейшем порядке.

Не успела эта мысль поселиться в моей голове, как ее оттуда пинком вышиб очередной приступ паники. А почему ребята вели себя утром, как примерные детсадовцы? Раньше им никогда не приходило в голову подумать о чашках! Что натворила шкодливая парочка? Сожгла школу? Они скрыли от меня что-то вчера вечером? И что сообщат сегодня? Видно, подростки совершили какую-то феерическую гадость, если им потребовалось столько времени, чтобы признаться в содеянном.

– Эй, – заорала я в панике, – немедленно отвечайте, куда подевался мусор?

Кто одержал победу в борьбе за мобильный, выяснилось, когда из трубки ответил Кирюшка:

– Я отволок пакет в бак у ворот.

– У ворот… – остолбенело повторила я. – Ты не поленился тащить его через весь поселок?

– Нет, – спокойно ответил Кирик, – довез в машине, а на выезде выбросил.

– Офигеть… – только и сумела сказать я. И тут же спохватилась: – То есть очень хорошо, что ты позаботился о чистоте и порядке на кухне.

– Мне это совсем не трудно, – подольстился ко мне Кирюшка. – Могу каждый день тебе помогать!

– И я, – прозвучал фоном голос Лизы.

Затем послышалось напряженное сопение. Очевидно, Лизавете удалось отобрать свой мобильный, потому что спустя секунду разговор повела уже она.

– Лампуша, ты чем собиралась сегодня заниматься?

– Ну, сварить обед, прибрать в доме, – начала я перечислять, – у меня же отпуск.

– Ой, здорово! – слишком бурно обрадовалась Лиза. – Я оставила в гостиной на красном диване книжку, называется «Породы кошек». Может, посмотришь на досуге?

Я расхохоталась. Страх и волнение улетучились, на душе стало спокойно. Вот, оказывается, в чем дело…

Месяц назад Кирюша и Лизавета отправились на выходные к своей однокласснице Светлане Рыжовой. Света милая девочка, очень тихая, правда, болезненная. У нее замечательное, хоть и несовременное, хобби – она вышивает гладью. Я хорошо знаю ее мать и отца, поэтому со спокойной совестью отпустила детей к Рыжовым, ведь ничему плохому в этой семье их не научат. Втайне я надеюсь на то, что Света увлечет Лизу вышиванием и наша озорница забудет про ролики и скейт, займется менее травмоопасным проведением досуга.

Но я не учла одного фактора: Виктор Ильич, отец Светы, ветеринарный врач, а ее мать, Елена Генриховна, занимается разведением экзотических кошек. У Рыжовых тоже дом в ближнем Подмосковье, кстати, совсем недалеко от местечка Мопсино, где теперь поселились мы. Питомник Елены Генриховны находится на одном участке с особняком, Светлана помогает матери. Ясное дело, она показала приятелям хорошеньких, умильных котят, а Елена Генриховна сказала:

– Поговорите с мамой и Лампой, если они согласятся, я подарю вам любого.

И Кирюша с Лизой потеряли покой. Едва вернувшись домой, они бросились к Кате, а потом ко мне. Хитрецы решили использовать принцип «разделяй и властвуй», надеялись, что хоть кто-то из нас, либо я, либо Катюша, согласится завести кошку.

Но они просчитались – мы, не сговариваясь, заявили:

– У нас четыре мопса, стаффордшириха Рейчел и дворторьер Рамик. Вам не кажется, что еще одно животное в этой стае будет лишним?

Нет, Лизе и Кирюше так не казалось. Тогда они кинулись к Сережке с Юлечкой, попытались сделать старшего брата и его жену своими союзниками. Но вновь потерпели поражение.

– На мой взгляд, заводить кошку не совсем разумно, – дипломатично заявила Юля. – Сейчас самое начало весны, впереди лето, в доме будут постоянно открыты окна и двери, она может убежать в лес и там погибнуть.

– С ума сошли? – более резко отреагировал Сережка. – К шести собакам еще и котенок! Кто следующий? Обезьяны, крокодилы, бегемоты и зеленый попугай? Извините, если переврал слова песни.

Юные «зоологи» приуныли. А потом решили не мытьем так катаньем добиться своего и начали настоящую психологическую атаку. В комнатах появились дешевые керамические фигурки всевозможных персов и британцев, потом на кухне материализовался календарь с фотографиями котят, затем Лиза раздобыла кружки, украшенные портретами сиамок. Дети четко разделили обязанности: Лизавета была ответственной за покупки, а Кирюшка проводил идеологическую работу. Он выискивал в Интернете всяческие статьи и ходил за нами по дому, твердя:

– Мыши – разносчики чумы, а справиться с ними в загородном доме способна только кошка.

Или заявлял:

– Британец рыжего окраса по кличке Маркиз спас людей от смерти: когда у американцев по фамилии Робинсон на втором этаже коттеджа замкнуло проводку и вспыхнул пожар, кот кинулся в спальню и разбудил хозяев.

Я надеялась, что через некоторое время ребята забудут о кошке, но желание заполучить нового любимца оказалось живучим. В гости к Рыжовым дети ездили в марте, сегодня десятое апреля, но Лиза с Кирюшей по-прежнему жаждут завести котенка, и, похоже, с этого дня они резко изменили тактику. Поняв, что фотографии, кружки и рассказы об удивительном уме кисок никак не действуют на взрослых членов семьи, ребята начали изображать из себя пай-деточек, убирающих за собой посуду и выносящих мусор. В принципе, это правильный ход, мало найдется на свете родителей, способных категорично гаркнуть: «Нет! Не получишь никаких кошек!» – в лицо отличнику, моющему в свободное от уроков время полы в квартире.

Интересно, надолго ли у подростков хватит рвения? Мне ситуация нравится, я не люблю возиться с мусором…

– Что ты смеешься? – обиженно спросила Лиза.

– Просто так, от переизбытка чувств, – ответила я. – Весна идет, птички поют, скоро тюльпаны расцветут…

– Ага, и кошки на крылечки выберутся, – Лиза не упустила случая упомянуть о главном. Но не удержалась и добавила в обычном своем стиле: – Смех без причины – признак дурачины.

– Лучше без повода смеяться, чем рыдать, – парировала я. И тут услышала мелодичное треньканье звонка, а потом разноголосый собачий лай.

– Кто пришел? – спросила Лизавета.

Но я не стала ей отвечать, положила трубку на стол и поспешила в прихожую.

Когда живешь не в многоквартирном доме в шумном городе, а в коттедже, окруженном елями, на территории охраняемого поселка, то теряешь бдительность. В Москве мне бы и в голову не пришло не запереть входную дверь

или распахнуть ее без предварительных вопросов, но в Мопсине другие порядки.

Я нажала на ручку и, толкнув красивую дубовую дверь, сказала:

– Входите, открыто.

Если честно, то я предполагала увидеть кого-то из соседей. Это могла быть Диана Ловиткина с пятого участка или Карина Бурмака из девятого дома, которой я вчера пообещала дать рецепт ватрушек. Не исключен был и визит Ани с другого конца поселка. У Анечки есть пятилетняя дочь Машенька, девочка очень плохо ест, и если маме удается впихнуть в малышку обед, то в качестве награды за проявленное терпение ее приводят к нам – посмотреть на собак.

Но на крыльце стояла незнакомая женщина лет пятидесяти.

– Здравствуйте, – с удивлением приветствовала ее я. – Вам кого?

Незнакомка отреагировала странно. Она вздрогнула и спросила:

– Вы кто?

– Меня зовут Евлампия, но лучше обращаться просто Лампа, – ответила я, разглядывая даму.

Одета та была не совсем по погоде: теплое темное пальто не лучшего качества, старомодная шапка из мохера и не очень чистые сапоги черного цвета на так называемой «манной каше». В руках нежданная гостья держала нечто, смахивающее на мешок из брезента.

– А где Вета? – задала следующий вопрос женщина. – И Федор Сергеевич?

Я растерянно заморгала.

– Простите, вы, наверное, ошиблись адресом.

– Нет, – возразила гостья, – я отлично его знаю. Я провела здесь все свое детство. Хорошо помню, как старый деревенский дом постепенно превращался в коттедж… Он мало изменился, хотя цвет уже не темно-бордовый, а зеленый и вторую веранду пристроили.

– Вы жили в Мопсине ребенком? – переспросила я. – Это дом вашего детства?

Незнакомка кивнула.

– Верно. Мне тридцать три, и восемнадцать из них я жила здесь.

– Вам тридцать три года? – неприлично удивилась я, окидывая взглядом чуть сутулую фигуру.

– Что, я так плохо выгляжу? – без тени кокетства улыбнулась незнакомка. – Приехала издалека, в дороге, в общем вагоне, устала, да и помыться негде было. Веты нет?

– Здесь такие не живут, – растерянно сообщила я. – Все же скажите, как вас зовут?

– Таня Привалова, – представилась женщина. – Что случилось с Ветой?

Я посторонилась.

– Заходите… Надеюсь, собак вы не боитесь? Наши псы мирные, им и в голову не взбредет кого-нибудь укусить.

Татьяна шагнула в холл, секунду постояла в молчании, потом сказала:

– Здесь висело зеркало, а там был встроенный шкаф, его Федор Сергеевич сам соорудил. Вы его выломали?

– Нет, – ответила я, – когда мы приобрели дом, он был без мебели. Хотя, конечно, ремонт сделали.

– Ясно, – кивнула Таня. – Значит, Вета его продала.

– Хозяйку звали иначе, – возразила я. – Она то ли графиня, то ли княгиня, точно не помню, живет за границей. Я никогда владелицу коттеджа не видела, та прислала адвоката, он за нее бумаги оформлял.[1 - Как Лампа и члены ее семьи получили дом в Мопсине, читайте в книге Дарьи Донцовой «Фанера Милосская», издательство «Эксмо».]

Татьяна стала комкать лямку мешка, который держала в руке.

– Понятно, – прошептала странная гостья. – И что же мне теперь делать? Думала, все по-прежнему тут живут, вот и заявилась в гости. Наверное, следовало предупредить, но номера телефона-то у меня нет. Или телеграмму можно было послать, но я не додумалась.

Я молча смотрела на расстроенную женщину. Первым желанием было сказать: «Оставайтесь, угощу вас чаем, а там сообразим, как поступить. Дом большой, места много, у нас две комнаты свободны». Но я представила, что услышу вечером от Володи Костина и от Сережки, когда они узнают, что я приголубила совершенно незнакомого человека, и прикусила язык.

– Наверное, мне надо уйти, – растерянно сказала Таня, – уж извините, что свалилась вам на голову. Еще раз простите. А… а не дадите мне стакан воды? Очень пить хочется.

Я быстро сбегала на кухню и принесла бутылку минералки.

– Ой, зачем такую дорогую? – испугалась Татьяна. – Сошла бы и из-под крана.

Похоже, беднягу на самом деле мучила жажда – гостья в несколько глотков осушила бутылку и вытерла губы тыльной стороной ладони.

– Ну спасибо! Теперь и есть расхотелось.

Я невольно задержала взгляд на изящной кисти, кожа которой была покрыта цыпками, и помимо воли спросила:

– И какие у вас дальнейшие планы?

Таня переступила с ноги на ногу.

– Ну… на работу наймусь… Я много чего умею – штукатурить, плитку класть, даже с сантехникой справлюсь, унитаз там установлю, раковину повешу, стиралку подключу… Не пропаду! Пока в поезде ехала, народ говорил, что в Москве много домов возводится, так что где-нибудь устроюсь.

– У вас есть деньги? – поинтересовалась я.

– Вообще-то, если честно, в дороге я немного поиздержалась, – призналась Татьяна. – Поезд был не скорый, на каждой станции тормозил, поэтому четверо суток до столицы тащился. Я думала, сэкономлю, билет на экспресс дороже, но получилось наоборот. Питаться-то надо! Уж когда в Москву прибыли, я сообразила: а как в Мопсино добраться? На электричке можно зайцем доехать, но в метро без оплаты не пустят… Огляделась по сторонам, увидела, что к ларьку машина с пивом прибыла, ну и предложила свою помощь по разгрузке. Мне пятьдесят рублей дали. Предлагали еще и бутылку, но я не пью. Хватило и на метро, и на билет до Мопсина, а вот на воду уже не осталось.

– Раздевайся и иди на кухню, – улыбнулась я. – Или хочешь сначала в душ?

– Вы чего, меня в гости зовете? – округлила глаза Таня. – Мне заплатить нечем!

– Мы комнаты не сдаем, – возразила я, – гостей даром пускаем.

Глава 2

После того как Таня вымылась и поела, она словно помолодела лет на десять. А когда я дала ей старое домашнее платье Юли, стало понятно, что вид дамы предпенсионного возраста ей в основном придавал неуклюжий наряд. Оставалось лишь удивляться, где Привалова раздобыла жуткое пальто, шапку и ужасную темно-синюю хламиду с нагрудным карманом, которая обнаружилась под верхней одеждой. В симпатичном платье, давно надоевшем жене Сережки,

Татьяна превратилась почти в красавицу. Лицо осталось прежним, с ввалившимися щеками и курносым носом, зато фигура была выше всяческих похвал: стройная, с осиной талией.

Быстро поглощая бутерброды с колбасой, Таня рассказала свою историю.

Ее отец, Федор Сергеевич, работал в НИИ, мать, Ирина Павловна, в отличие от мужа, кандидата наук, была простой лаборанткой в поликлинике. Она постоянно болела и в конце концов скончалась. Вдовец горевал недолго – не прошло и трех месяцев, как он женился на своей коллеге с необычным именем Иветта.

Близким друзьям, несколько шокированным таким оборотом дела, Федор Сергеевич сказал:

– Таня школьница, один я ее не подниму, бросить работу и заняться воспитанием дочери не могу. А у Веты есть сын, Миша, он совсем маленький. Ясен расклад?

Иветта в одночасье ощутила себя хозяйкой большого дома, который ее муж получил в наследство от первой супруги, и начала переделывать жилище по собственному вкусу. Двадцатипятиметровую детскую Танечки перегородили стеной. В большей части, с окном, поселили Мишу, в меньшей, без дневного света, – Таню. Вета очень оберегала покой мужа, поэтому если дочь пыталась прорваться к отцу с тетрадками или дневником, мачеха твердо говорила:

– Не сейчас! Папа хочет отдохнуть.

Пока Таня училась в четвертом, пятом, шестом классах, она не задумывалась о своем положении, но, чуть повзрослев, вдруг задалась вполне естественными вопросами. Почему она спит на раскладушке в душной каморке, а Миша на удобной кровати в просторной комнате? Отчего ей давно не покупали новой одежды? Все платья стали девочке малы, юбки коротки до неприличия, а рукава едва закрывали локти. У отца нет времени на общение с родной дочерью, но с пасынком Мишей он часто ездит на рыбалку… Таню ругают за четверки, а брата хвалят за тройки… Справедливости ради следует отметить, что и при жизни Ирины Павловны Федор Сергеевич мало интересовался дочерью. Приваловы не ходили совместно в театр, не принимали гостей и не обсуждали сообща возникшие проблемы. Мама и Танечка были сами по себе, папа предпочитал проводить вечера в одиночестве, в кабинете. Если дочь просовывала в комнату

голову и пыталась затеять с отцом разговор, как правило, она слышала в ответ строгое замечание:

– Татьяна, не мешай мне работать.

Федор Сергеевич всегда произносил эту фразу, даже когда лежал на диване с газетой. Но у девочки была мама, которая хоть и не проявляла особой ласки, но решала ее проблемы. Когда Тане исполнилось семь лет, она тяжело заболела и почти два года не могла справиться с недугом. За парту она села в девять и оказалась самой старшей среди детей. Училась она посредственно, и Ирина Павловна только вздыхала, подписывая дневник, а отец ее оценками вообще не интересовался. С появлением мачехи Федор Сергеевич стал нападать на дочь, тогда Танечка, чтобы понравиться папе, совершила почти невозможное – начала получать хорошие отметки. Но он сердито откладывал ее дневник и недовольно бухтел:

– Ни одной пятерки! Стыд и срам!

Ну почему отец не замечал стараний дочери? Отчего требовал невыполнимого – пятерки по алгебре? Танюшка ведь еле-еле освоила таблицу умножения!

Так девочка и мучилась. А несколько повзрослев, пришла к отцу и вывалила свои претензии.

Федор Сергеевич обомлел, потом попытался вразумить Таню.

– Как тебе не стыдно! Миша сирота, у него нет отца, он пришел в чужой дом, ему надо создать лучшие условия.

– Но я тоже сирота, – возразила Таня, – и в нашем коттедже много места. Вета занимает половину второго этажа, у нее в распоряжении спальня, кабинет и гостиная. Если она так любит сына, могла бы выделить ему одну из своих комнат. Зачем было мою детскую перегораживать?

– Не думал, что ты такая эгоистка! – возмутился отец. – Теперь об одежде и рыбалке. Мы не так уж много с Ветой зарабатываем и содержим двоих детей. Прорва денег на шмотки уходит! И неужели тебе интересно ловить рыбу? Это

мужское хобби.

– Но Вета себе каждый месяц то юбку, то блузку шьет, – стояла на своем Таня, – а я два года в одном платье хожу!

Федор Сергеевич стукнул кулаком по столу.

– Хватит! В доме есть швейная машинка, научись ею пользоваться и строчи себе, как Иветта.

Таня заплакала и убежала. Но, видно, Федор Сергеевич все же переговорил с женой, потому что в доме начались удивительные метаморфозы. Стену в детской сломали, Мишу переселили на второй этаж, Вета сшила Тане штук пять обновок и коротко сказала:

– Носи.

– Это мне? – удивилась девочка, разглядывая вещи.

– Нет, соседской козе, – съязвила мачеха. – Опять не нравится?

– Они очень открытые, – прошептала Таня, – на лямках, и юбка торчком.

– Федя, – закричала Вета, – не знаю, чего ей надо! То жаловалась, что в старье ходит, то новое надевать не желает.

– Пусть ходит в прежнем, – прогремел из кабинета голос ученого. – Мы пошли у капризницы на поводу, а зря! Все ты, Вета, твердила: «Девочка в тяжелом душевном состоянии…» Ну что? Получила «спасибо» за свою жалость?

С той поры жизнь Тани превратилась в ад. Нет, мачеха ее не обижала. Но на ужин Иветта готовила ненавистную девочке пшенную кашу с тыквой или пекла нелюбимые оладьи. Миша за обе щеки уплетал и то, и другое, радуя мать просьбами о добавке, а Татьяна сидела над нетронутой едой. Вета с хорошо разыгранной тревогой спрашивала:

– Ты здорова?

– Да, – коротко отвечала падчерица.

– Тогда почему не ешь? – трогательно заботилась она о девочке.

– Не хочу, – честно признавалась та.

– Оставь привереду в покое, – злился муж, – надоели ее претензии.

Вскоре Таня поняла, что ей не победить Вету, и стала все время проводить с друзьями. Едва справив совершеннолетие и получив аттестат, девушка выскочила замуж за свежеиспеченного выпускника военного училища и уехала с ним в далекий гарнизон.

Таня строчила в Мопсино письма, но ответов не получала и поняла, что тема отчего дома для нее навсегда закрыта. Связь с отцом и мачехой оборвалась.

Семейная жизнь у Приваловой сложилась неудачно – супруг пил горькую. Хорошего образования Таня не получила, таскалась с супругом по военным городкам, а там было полно жен военнослужащих, которые занимали все «теплые» места. Приваловой оставалось лишь мыть полы в местном клубе или идти работать на стройку. В конце концов дочь ученого освоила множество профессий, связанных с отделкой зданий, и фактически содержала семью. Супруг-офицер менял свою зарплату на водку, а когда получки не хватало, он, поколотив жену, отбирал у нее честно заработанные рубли.

Детей Таня не завела. Сначала не хотела, чтобы ребенок рос в походных условиях, часто менял школы и мотался по стране, потом побоялась родить от пьяницы. На беду, супруг оказался весьма сексуально активным, и молодая женщина каждый год делала по два аборта (противозачаточные таблетки в российской глубинке достать было трудно, а презервативом муж пользоваться отказывался).

Слава богу, в прошлом году алкоголик допился до смерти. Привалова без особого сожаления похоронила супруга и нанялась в фирму, занимающуюся ремонтами. Жизнь стала налаживаться. Тане удалось получить комнату в коммуналке, у нее завелись небольшие деньги, и через несколько месяцев она почувствовала себя счастливой. В соседях у нее была лишь одинокая милая

бабушка, никто у Тани деньги не отнимал, не орал на нее, не лез с кулаками и поцелуями – казалось, судьба улыбнулась молодой женщине. И вдруг у нее стал побаливать живот.

Посчитав недуг ерундой, Привалова к врачам не пошла, понадеялась: поноет и перестанет. Но боль не отпускала, пришлось-таки посетить поликлинику. Диагноз гастроэнтеролога ошеломил – опухоль желудка.

– Езжай в Москву, – посоветовал местный эскулап, – здесь у тебя шансов нет. Ближайшая онкологическая клиника расположена в областном центре, но врачи там аховые. А в столице и аппаратура, и специалисты хорошие, схему лечения подберут…

Татьяна замолчала, я проглотила колючий комок, вставший поперек горла.

– Понятно. И ты вспомнила про отца. Он же ученый, человек со связями!

– Точно, – кивнула Таня. – Приехала, а они с Иветтой куда-то подевались…

Не закончив фразу, гостья во весь рот зевнула. Потом смутилась:

– Простите!

– Пустяки, – ответила я, – ты же наверняка очень устала. И давай ты перестанешь мне «выкать»?

– Хорошо, – кивнула Таня и снова прикрыла рот рукой. – Господи, прямо с ног валит.

– Иди, ложись, – предложила я, тоже почему-то зевая.

– День на дворе, – не согласилась гостья.

– Ну и что? – ответила я, испытывая непреодолимое желание прилечь и стараясь удержать голову прямо, хотя она так и клонилась к плечу. – Раз организм просит, значит, надо к нему прислушаться.

– Спать положено ночью, – тихо возразила Привалова.

– Чепуха, – невольно прикрыв глаза, сказала я. – Лично я точно сейчас упаду на софу и придавлю ухом подушку. Наверное, погода меняется, давление падает.

Продолжая жаловаться на казусы климата и ругая глобальное потепление, я кое-как сделала пару шагов и рухнула на диван. Меня охватило блаженство. Как хорошо, что мы приобрели именно эту мебель – она необычайно мягкая, подушки словно из пуха. И плед потрясающий – уютный, нежный. Почему я раньше им не пользовалась? По какой причине считала его грубым и колючим? Лампа, а ты, оказывается, капризуля…

Внезапно сквозь наплывающий туман до меня долетели противные звуки: скрежет и постукивание. Я попыталась вырваться из цепких объятий сна, но не смогла победить силу, которая сделала тяжелыми мои веки. Перед тем как окончательно заснуть, я, приоткрыв один глаз, увидела Капу. Мопсиха спрыгнула с дивана и яростно скребла передними лапами стену под большим окном, выходившим в сад…

– Эй, Лампудель! – грянуло с потолка. – Чье там зэковское пальто в прихожей?

Мой правый глаз сам по себе открылся, я спросила:

– Где я? Вы кто?

– Супер! – похвалила темная фигура, почти закрывавшая собой неярко горевший торшер. – Спишь дома, на диване. Разреши представиться: Владимир Костин.

Я села, оглянулась, потом удивилась:

– Я сплю в столовой?

– Точно, – засмеялся Вовка, зажигая люстру. – Похоже, ты весь день продрыхла.

– Который час? – сообразила спросить я.

– Полдевятого, – объявил Костин. – А что, супчика нет?

– Хотела сварить борщ, но отчего-то уснула, – растерянно ответила я.

Вовка, открыв холодильник, закручинился.

– Пусто. Ни глазированных сырочков, ни кефира, ни йогуртов.

– И в магазин не сходила, – начала каяться я, – и дом не убрала, белье не постирала. Ой! И собак не выводила!

Костин включил телевизор.

– Насчет псов не волнуйся, я увидел в прихожей три лужи и понял, что стаю никто не выгуливал. Так чей прикид на вешалке?

Я быстро вскочила.

– Таня! Она, наверное, голодная. Увидела, что я храплю, и не стала меня будить, а сама взять еду постеснялась. Очень некрасиво получилось!

– В доме есть место, где хранится еда? – заерничал Вовка. – Можешь показать мне тайник? И кто такая Таня?

– Сейчас объясню, – на ходу пообещала я, выбегая в коридор.

В нашем доме есть две пустые комнаты, мы гордо называем их «гостевые». Обе находятся в мансарде, они небольшого размера и весьма скромно обставлены. Купив коттедж, мы прежде всего сделали капитальный ремонт, приобрели кухню и сантехническое оборудование, а вот спать всем довольно долго приходилось на надувных матрасах – деньги на кровати, кресла, диваны и столы зарабатывались медленно. Сейчас мы наконец-то привели все в божеский вид, даже обзавелись симпатичными качелями – такой лавочкой с матрасом, над которой нависает «балдахин» из полосатой ткани. Правда, это приобретение пока еще находится в разобранном виде, Вовка и Сережка хотят установить его через две недели, когда на дворе зазеленеет молодая трава.

Я распахнула дверь в первую гостевую и увидела застеленную софу. Быстро открыла соседнюю створку, ожидая обнаружить Таню там. Я уже готова была извиниться: «Прости, заморила тебя голодом! Не понимаю, почему заснула на несколько часов», но слова так и остались непроизнесенными – в другой спальне тоже никого не оказалось.

– Ну и где же таинственная мадам? – серьезно спросил шедший за мной Костин.

– Вероятно, Таня не поняла, где комнаты для гостей, и устроилась в чьей-то спальне, – растерянно ответила я. – Надо посмотреть на втором этаже.

Через десять минут стало ясно: Приваловой нигде нет.

– Интересная ситуация… – нараспев произнес Костин. – И куда подевалась гостья?

– Она была! – чувствуя тебя законченной идиоткой, сказала я. – Очень милая, стеснительная особа.

– С пропеллером на спине? – перебил меня майор.

Я изумилась.

– С чем?

Вовка засмеялся. В ту же секунду я сообразила, о ком ведет речь Костин, и сердито на него посмотрела. А тот бойко продолжил:

– Была и нету. «Он улетел, но обещал вернуться». Хотя, учитывая наличие пальтеца из зоны и сидора в прихожей, предполагаю, что нам никогда не суждено встретиться с очаровательной Танюшей. Да и таково ли ее имя? Ставлю «Бентли» против драного носка, что ты не удосужилась попросить у гостьи паспорт… И кто она?

Я рассказала Костину о визите Приваловой. По мере того как я выдавала информацию, лицо майора каменело, и в конце концов он сказал:

– Ох и дура же ты! Разве можно впускать в дом невесть кого? Лампудель, ты работаешь в частном детективном агентстве, имеешь дело с разными людьми, считаешься хорошим специалистом…

Я не выдержала и перебила Вовку:

– Я не считаюсь хорошим специалистом, а являюсь им.

– Вот только, покинув службу, ты моментально превращаешься в безмозглую козу! – рявкнул майор с такой силой, что в буфете жалобно зазвенели бокалы. – Ну-ка, оцени ситуацию со стороны. Эй, ау!

– Слушаю тебя внимательно, – пробормотала я.

Вовка потер лоб рукой.

– Итак, к тебе пришел клиент, рассказывает историю про Таню и сообщает: «Когда мы сели пить чай, я неожиданно захотел спать, прилег на диван и продрых с полудня до позднего вечера». И что ты ответишь идиоту?

– К вам, похоже, заглянула одна из тех, кого называют клофелинщицами, – незамедлительно отрапортовала я. – Воровки работают на доверии и делятся на две категории. Первая, самая распространенная, группа состоит из проституток. «Ночные бабочки» подсыпают клиентам в спиртное клофелин, ждут, пока мужчина крепко заснет, грабят его и уходят. Вторая разновидность: преступницы, прикидывающиеся социальными работниками, коммивояжерами, агитаторами, представителями ДЭЗа. Они проникают в квартиру. Дальнейшее понятно. Клофелин сильно понижает давление. Это опасный препарат, чтобы не навредить человеку, врач тщательно рассчитывает дозу. Но воровки не медики, поэтому у них случались убийства. Срок за воровство намного меньше наказания за лишение человека жизни, поэтому сейчас клофелином практически никто не пользуется, преступный мир перешел на другие, менее опасные медикаменты.

Костин зааплодировал.

– Исчерпывающий ответ. И откуда ты знаешь про все это?

Я пожала плечами.

– О тех, кто усыпляет жертв, много писали в газетах, говорили в телепрограммах, предупреждали людей, просили быть бдительными.

– Восхитительно, – сказал Вовка. – Остается лишь поражаться, отчего, обладая столь глубокими познаниями, Лампа Романова сама стала жертвой воровки-мошенницы. Здорово она тебе напела про несчастное детство, жизнь с мужем-алкоголиком и болезнь.

Глава 3

– Глупости, Таня не мошенница, – бросилась я защищать Привалову, – она несчастная сирота.

– Ладно, пусть так, – неожиданно согласился Костин. – И где она?

– Ее пальто на месте, – сопротивлялась я.

– Круто! Конечно, она оставила зонский наряд, который ей абсолютно не нужен, только внимание милиции привлекает, – мрачно сказал Вовка.

– Что за дикое слово ты сказал – «зонский»? – остановила я приятеля.

Майор молча взял чайник, налил в него воды, потом снова заговорил:

– Ну да, извини за сленг. Если человек попал на зону, ему приходится ходить в казенной одежде. Раньше, при советской власти, правила были строгими, никаких послаблений не допускалось, на общем построении стояла однородная масса людей в бушлатах с номерами на груди и в темных ботинках. Еще непременно полагалось носить головной убор, насколько помню, у мужиков зимой были шапки-ушанки, а у женщин – платки. Потом, в связи с перестройкой, система слегка расшаталась, и кое-какие начальники стали смотреть сквозь пальцы на пуховики и прочий «неустав». Но остались места, где начальство требует казенных нарядов. Похоже, твоя Татьяна мотала срок на такой зоне.

Очень уж специфического вида полуперденчик висит у нас в прихожей. Если присмотришься, обнаружишь на уровне третьей пуговицы характерные дырочки – там раньше была пришита бирка с номером. И сидор!

– Кто? – перебила я Костина.

Майор глянул на меня исподлобья.

– Не кто, а что. Вещевой мешок. Не спрашивай, отчего его сидором зовут, я не знаю. Воровка не соврала в одном: она человек без близких родственников. Или папа-мама-муж решили никаких дел с зэчкой не иметь. Отмотавшую срок красавицу никто у ворот не встретил, нормальную одежду ей не привез, вот и вышла она на свободу в чем была. Шмотки приметные, от них за версту Главным управлением исполнения наказаний несет, ну и решила мамзель приодеться. Все понятно? Иди проверь шкаф, наверняка обнаружишь пропажу каких-нибудь вещей. А я пока чайку попью, сухарик погрызу…

Костин схватил коробку с заваркой, выудил оттуда один пакетик, опустил его в кружку и пропел:

– «Куда спешит веселый гном? А гном бежит купаться!»

Я молча выскользнула из столовой.

Через полчаса мне пришлось признать: майор не ошибся. Из большого шкафа у входа «ушел» мой далеко не новый плащ на синтепоновой подстежке и черные ботильоны на платформе. В гардеробной на втором этаже тоже обнаружились потери: я лишилась темно-синих джинсов, шерстяной кофты, пары колготок и трусиков с изображением обезьянок. (Кстати, я понимаю, что взрослой женщине положено носить белье шелковое, кружевное, но мне больше по сердцу изделия из обычного хлопка, без жесткой, царапающей кожу отделки. Хотя уместно ли, говоря о нижнем белье, вспоминать о сердце?) А еще я лишилась сумки, правда, очень старой, которую давно не ношу из-за того, что ее неудачно починили в мастерской – прикрепили оторванную ручку колечком, которое не подошло по цвету.

– Считаешь раны? – язвительно спросил Вовка из коридора.

Я нехотя ответила:

– Угу.

– Не расстраивайся, – неожиданно проявил сочувствие майор, – с каждым такое могло случиться. Мошенники отличные психологи, буквально считывают с лица информацию. Сия Таня глянула на тебя и сообразила: «О! Эту берем на жалость!»

– Странно как-то… – пробормотала я. – Смотри, здесь висит новая кожаная куртка Лизы, пальто Юли из дорогого магазина, а воровка прихватила старый плащ, который я не выкинула лишь потому, что в нем удобно с собаками гулять. Еще она отобрала сильно поношенные джинсы и ботильоны не первой свежести, а могла бы спокойно умыкнуть вон те Катины замшевые сапоги и надеть элегантный брючный костюм. По какой причине Таня не тронула дорогие шмотки?

– Размер не подошел. Или не хотела привлекать к себе внимание слишком дорогим нарядом, – пожал плечами Вовка.

Но я не успокаивалась.

– На подоконнике стоит коробка с драгоценностями. Сам знаешь, никаких раритетных бриллиантов у нас нет, но все вещицы – золотые сережки, браслеты, цепочки, – хоть и не эксклюзивные, не антикварные, стоят хороших денег. Если Привалова грабительница, почему она оставила ювелирку? А в столовой не тронуто серебро: сахарница, солонка, чайные ложки. Получается, уголовница влезла в дом лишь для того, чтобы спереть никому не нужные лохмотья?

Костин пожал плечами.

– Будем считать, что нам повезло. Вероятно, ее кто-то спугнул. Хочешь подарок на день рождения?

– На дворе апрель, – напомнила я, – до лета далеко.

– Заранее преподнесу, – расплылся в улыбке Костин.

В душе возникло чувство благодарности к майору. Вот он какой заботливый! Увидел мое расстроенное лицо и решил меня порадовать. Интересно, что он купил?

– Тащи, – разрешила я.

– Далеко ходить не надо, – загадочно сказал приятель. – Готова?

– Да! – кивнула я.

– Зажмурься, – приказал Вовка, – и слушай. Торжественно клянусь не рассказывать ни одной живой душе о твоей глупости. Эй, выдай реакцию!

Я открыла глаза.

– А где же подарок?

– Ничего себе! – возмутился Костин. – Неужели этого мало? Представь, во что превратится твоя жизнь, если Сережка узнает о визите больной сиротки.

Я поежилась.

– Да уж! Спасибо за презент. Но надеюсь получить от тебя летом еще и сувенирчик.

– Не надо жадничать, – подвел черту майор. – Кстати, не хочешь сварить борщ? Супец можно и ночью похлебать.

Я вспомнила про обязанности хозяйки и пошла чистить овощи.

Около полуночи в мою спальню влетела Лиза и потребовала:

– Давай!

Я отложила книгу и с удивлением на нее посмотрела.

– Что?

– Деньги на куклу, – выпалила Лизавета.

– Неужели ты до сих пор увлекаешься Барби? – улыбнулась я.

Лизавета уперла руки в боки.

– Иногда мне кажется, что я зря рассказываю дома о своих проблемах. Никто меня не слушает! Ладно, проглочу обиду и повторю: в школе устраивают благотворительный аукцион. Мы все сделаем игрушки, а потом их продадут. Выручка пойдет на оборудование спортплощадки.

Я слезла с кровати. Порой я думаю, что основная цель директора школы, в которой непрожеванными кусками заглатывают не совсем свежие знания Лиза с Кирюшей, это заставить родителей постоянно что-то делать. Лично я оформляла стенд для музыкального класса, писала доклад для районной олимпиады по истории, чертила план пожарной эвакуации и раскрашивала фломастером устрашающее пособие, украсившее потом кабинет биологии (честно скажу, меня чуть не стошнило, пока я прорисовывала вены, артерии, нервы и прочий ужас на огромном плакате с изображением человека без кожи; на мой взгляд, намного проще было пойти в магазин и приобрести анатомический атлас). Но директриса Зоя Гавриловна не ищет легких путей, она обожает повторять:

– Дети не должны иметь свободного времени, в минуты праздности у школьника возникают преступные мысли.

Поэтому руководитель школы находится в постоянном творческом поиске: что бы еще придумать, дабы озадачить всех в радиусе километра? И пожалуйста, очередная забава – шитье игрушек! А теперь, дорогие родители детей школьного возраста, положа руку на сердце ответьте, что вы предпочтете: просто дать денег на покупку спортинвентаря или легкой рысцой потрусите в магазин товаров для рукоделия, а потом несколько вечеров убьете на шитье тряпичного уродца? Я бы предпочла отделаться рублями. Кстати, чуть не забыла! От вас же еще потребуется участие в аукционе – будете зевать в зале, слушая вопли доморощенного торговца «раритетами», и на протяжении нескольких часов маяться от скуки. Ей-богу, день, когда Лиза и Кирюша

наконец-то покинут школу, станет для меня намного большим праздником, чем тот, когда они впервые отправились в поход за знаниями.

– Лампа, ты заснула? – возмутилась Лизавета.

Я побрела к шкафу, в котором держу свой «сейф» – круглую жестяную коробку из-под сдобного печенья. По пути в голове продолжали крутиться пустые размышлизмы вроде: «Не злись, Лампа, осталось потерпеть чуть больше года – сейчас уже апрель, впереди летние каникулы, а в сентябре начнутся занятия в выпускном классе». Очень скоро я навсегда забуду про мытье окон в кабинете классного руководителя и перестану ломать голову над тем, что принести в клювике педагогам на праздники…» Думаете, последнее – ерунда? Вовсе нет! Нынче не отделаешься коробочкой конфет, как делали мои родители, теперь приходится проявлять выдумку. Господи, еще немного – и я навсегда лишусь «радости» сидеть на классном собрании и слушать фразы типа: «Кирилл невнимателен, не слушает педагога, и ему давно пора постричься»; мне не придется подписывать дневник с малорадующими родительский взор отметками и странными замечаниями: «Не решил уравнения, заданные во вторник, 5 сентября, на среду, 7 сентября». Из моей жизни наконец-то исчезнут утренние крики: «Лампа! Скорей придумай что-нибудь, у нас на первом уроке будет комиссия, надо за десять минут написать доклад об историческом наследии китайского философа Сяо Мяо. Как, ты его не знаешь? Вот мне из-за тебя двойку и поставят!» Все это мне осталось терпеть год с небольшим…

– Пока ты доползешь до своей кассы, я успею принять душ, – деловито заявила, вклинившись в мои мысли, Лиза. – Сделай доброе дело, положи деньги в мою сумку.

– Мгм, – поленившись открыть рот, промычала я. Лизавета убежала.

Я вытащила коробку, подцепила крышку и моментально сломала два ногтя. Главное, никогда не расстраиваться по мелочам и не задавать себе вопрос: ну почему мне так не везет? Надо крепко усвоить одну истину: если сегодня все валится из рук, то это просто день такой; чем хуже вам сейчас, тем прекраснее будет завтра; чтобы выбраться из ямы с водой, надо опуститься на самое дно и сильно оттолкнуться ногами. Ногти не зубы, отрастут!

Проведя с собой курс психотерапии, я предприняла вторую, на сей раз удачную попытку открыть коробку. Но вместо денег увидела лист белой бумаги, на котором печатными буквами было выведено: «Прости, пожалуйста, на этот шаг меня толкнули злые обстоятельства. Взяла пятнадцать тысяч рублей, непременно отдам. Таня Привалова».

Под запиской я нашла тридцать пять тысяч, а утром тут было пятьдесят. Я схватила одну купюру, отнесла ее Лизе, потом вернулась в свою спальню и пересчитала заначку. Татьяна не соврала, она взяла именно пятнадцать тысяч рублей.

Дремота улетела прочь. Скажите, вы встречали когда-нибудь такую странную воровку? Она усыпила хозяйку и пошла бродить по пустому дому, хорошо зная, что ее никто не побеспокоит. У Приваловой было много времени, в гардеробной лежат пустые дорожные сумки, их можно было набить вещами. Но все мало-мальски ценное осталось на местах, Таня прихватила лишь не самую лучшую одежду (похоже, ей действительно очень хотелось избавиться от казенной экипировки и вещмешка), а найдя «сейф», не очистила его до дна, нет, взяла только часть денег. Настоящий вор никогда так не поступит!

Коттедж тихо погрузился в крепкий сон.

Апрель в этом году какой-то истерический – тепло и холод сменяют друг друга с калейдоскопической скоростью. Утром температура устремляется вверх, днем неожиданно падает, к вечеру снова поднимается. У основной массы людей от таких скачков начинается мигрень и развивается слабость. Наша семья не исключение – и Сережка, и Юлечка, и Катюша, и Вовка жаловались сегодня на головную боль, а Кирюша с Лизаветой потеряли добрую половину своей активности. Поэтому домашние быстро разбрелись по спальням. Но у меня совершенно пропало желание последовать их примеру и залечь под одеяло, тем более что днем я выспалась. Мысли, мысли…

Почему Татьяна пришла именно в наш дом? Нет, давайте копнем еще глубже: по какой причине бывшая заключенная отправилась в Мопсино? Железная дорога пролегает от деревни в десяти километрах. Если Привалова ехала с зоны и решила, так сказать, переодеться перед тем, как попасть в столицу, то, сойдя с поезда, ей следовало пойти в Калинино или расположенный по другую сторону путей Любимовск. Но воровка не направилась в шумные городки с вокзалами, ее, в отличие от большинства преступников, повлекло в небольшое местечко, до

которого ей понадобилось добираться на рейсовом автобусе, а потом еще топать пешком пару километров от остановки. И Мопсино давно перестало быть простым селом, поселок теперь хорошо охраняется (правда, парни с «берданками» стоят только у центральных ворот). К тому же на пути от шоссе расположено еще Груздево, а вокруг него – ни забора, ни секьюрити. Но Таня упорно шагала в Мопсино. Думаю, увидев пост на воротах, она взяла чуть правее и перелезла через ограду.

Если сложить все вышесказанное, получается: Привалова стремилась попасть именно в Мопсино, шла в поселок за старой одеждой и суммой денег, не поражающей воображение, рисковала быть пойманной охраной из-за поношенного плаща. Почему? Оставим этот вопрос без ответа и зададим следующий, не менее острый: по какой причине Татьяна выбрала именно наш дом? В поселке есть много богатых особняков, некоторые из них щеголяют медными крышами, что сразу сообщает домушнику о большом материальном достатке их владельцев. Домик семьи Романовых и примкнувший к нему флигель Костина – один из самых заурядных. Ну неужели грабительница так глупа? На соседнем участке возвышается трехэтажная кирпичная махина, в которой живут Диана Ловиткина и ее муж Илья, бизнесмен. Очень милая пара, хозяева мопса Тихона, который использует любую возможность, чтобы сделать подкоп под штакетником и со счастливым визгом прибежать к нам. Тиша рвется к нашей стае, и я не имею ничего против собаки, а еще нам всем нравятся эти соседи. Илья и Диана (женщина выглядит молодо, я воспринимаю ее как ровесницу) не скрывают своего материального благополучия, на их участке устроены водопады, альпийские горки и прочие примочки, столь любимые ландшафтными дизайнерами, вотчина же Романовых намного проще. Но Татьяна рискнула углубиться в поселок, не залезла в дом на краю, а зашла к нам. Значит, ее цель – избушка семьи Романовых? Нет, не верю! Привалова не знала, что дом продан и кто его купил. Увидав меня на пороге, она искренне изумилась и спросила про неких Вету и Федора Сергеевича. Татьяна явно рассчитывала увидеть этих людей.

Глава 4

Сон окончательно меня покинул. Завернувшись в большой велюровый халат, я спустилась на первый этаж, открыла холодильник, нашла мандарин и стала снимать с него шкурку. Тут же послышалось бойкое цоканье когтей, и в

столовую внеслись Ада и Капа. Первая мопсиха чуть не сшибла в азарте газетницу, а вторую, судя по выражению морды, озадачила одна мысль: «Дискотека началась, а я опоздала!»

Два бежевых тела сели передо мной, четыре карих глаза с укоризной уставились на хозяйку. Мопсы начали вздыхать, облизываться, крутить хвостами, их взор делался все несчастнее, из глаз покатились слезы. Я ощутила себя подлой обжорой, Плохишем, который наслаждается сочными фруктами на глазах у голодающих детей.

– Вам нельзя цитрусовые, – шепотом попыталась я оправдаться перед мопсихами, – все средства отпугивания псов имеют аромат лимона, апельсина и им подобных. Заработаете аллергию и прыщи на носу! И вообще, ни одна уважающая себя собака из хорошей семьи не приблизится к мандаринам!

Ада шумно проглотила слюну, а Капа преданно заулыбалась и пару раз тоненько гавкнула. Очевидно, ее речь в переводе на человеческий язык означала: я готова забыть об уважении к себе и унизиться до потребления этих плодов.

– Шантажистки! – возмутилась я, скармливая дольки попрошайкам. – Вот Муля, Феня, Рейчел и Рамик спят, а у вас гастрономическая бессонница.

Капа нежно облизала мои пальцы. Можно было растрогаться и подумать, что собачка благодарит хозяйку. Но я не настолько наивна и понимаю: Капуся решила слизать остатки сока, она обожает не меня, а еду, которую сейчас я ей дала.

Слопав подачку, мопсихи легли спать, я села на диван. Зачем Приваловой понадобилось попасть именно сюда? Учитывая тот факт, что у нее в кармане хранилось сильное снотворное, долго беседовать с Ветой и Федором Сергеевичем гостья не собиралась. Похоже, у Тани был план: она задумала войти в дом, напроситься на чай, усыпить хозяев и… и разыскать некую вещь.

Внезапно у меня заболела спина, я вытянулась на подушках. Интересно, Привалова и впрямь преступница или Костин ошибся? Если Татьяна отбывала срок, то хорошо бы узнать, по какой статье. Иногда ворам удается спрятать от сотрудников милиции награбленные ценности. Отсидев положенный срок, преступник выходит на свободу, продает дождавшуюся его в укромном месте

заначку, а потом живет припеваючи. Может, Привалова из их числа?

Мне захотелось спать, и я побрела в свою комнату, отчаянно зевая во весь рот. Ну почему я никак не могу забыть о странном визите? Костин прав, мне надо быть осторожней и не впускать в дом посторонних. Еще хорошо, что Татьяна не унесла из коттеджа все деньги и дорогостоящие вещи. Сквозь наплывающую дремоту я вяло удивилась: опять концы с концами не сходятся! Если Привалова вернулась за спрятанной до ареста добычей, то зачем ей жалкие рубли из жестяной коробки?

Я доползла до спальни и забралась под одеяло. Хватит мучиться ерундой, утро вечера мудренее…

На следующий день около десяти часов мне позвонила Диана Ловиткина и спросила:

– Как дела?

– Замечательно, – бодро ответила я, – вот только никак из кровати не вылезу.

– Ой, – испугалась Диана, – разбудила тебя?

– Нет, конечно, я уже проснулась и встала, – успокоила я соседку. Затем добавила, не вдаваясь в подробности: – Просто вчера бессонницей мучилась.

– Надо в полнолуние тщательно занавески задергивать, – деловито посоветовала Ловиткина. – Если хоть маленькая щелочка останется и тоненький луч света от луны в комнату попадет, пиши пропало, будешь вертеться с боку на бок.

– Да ну? – удивилась я. – Не знала.

– Не могла бы ты ко мне заглянуть? – вдруг попросила Диана. – Буквально на несколько минут.

– Зачем? – уточнила я. – Сделать укол Тихону? Мопс опять простудился?

– Нет, возникла другая проблема, – обтекаемо сказала Диана.

– Ладно, уже бегу, – согласилась я, оглядывая чистую столовую.

Очевидно, Лиза с Кирюшкой страстно хотят завести кошку – сегодня они снова навели после завтрака идеальный порядок.

– Только не ходи через парадную дверь, – неожиданно предупредила Диана.

Я удивилась:

– А через какую можно войти?

– Воспользуйся той, что расположена около аварийного электрогенератора, – объяснила Ловиткина. – Она немного туго ходит, поэтому дергай за ручку сильнее.

Мое удивление переросло в недоумение. В особняке Ильи и Дианы несколько входов. Один, так называемый парадный, украшен затейливой резной панелью из дуба, массивными декоративными петлями и обрамлен латунными накладками, которые не покладая рук чистит домработница Вера. Еще к ним в гости можно попасть через террасу: вы поднимаетесь по ступенькам, оказываетесь на просторном открытом «балконе», где стоят мангал, длинный стол и несчетное количество стульев, а потом раздвигаете стеклянную панель и попадаете прямо в гостиную. Сами понимаете, этим входом пользуются исключительно в теплое время года. Диана любит собирать гостей, шашлыки наши соседи начинают жарить в апреле, а заканчивают в ноябре, когда становится либо слишком холодно, либо сыро. И парадное крыльцо, и вход с террасы предназначены для гостей и хозяев, а многочисленный обслуживающий персонал – домработницы, водители, охранники – проходит в дом через служебную дверь, ту самую, возле генератора. Оставалось лишь удивляться, по какой причине Диана попросила меня идти именно этим путем.

Решив, что у хозяйки есть веские причины для этого, я быстро накинула на себя ветровку и направилась к соседскому особняку.

Вход для прислуги был скромным, всего лишь хлипкая деревянная дверь с пластиковой накладкой. Позаботившись о красоте парадного входа, хозяева не слишком заморачивались с «черным». Впрочем, внешнего вида дома это не портило.

Я дернула за ручку, но не смогла оторвать дверь от косяка. Вспомнив замечание Дианы о тугой пружине, я приложила больше усилий, опять потерпела неудачу и разозлилась. Что происходит? Соседка никогда не приглашала меня в столь ранний час, и мне не предписывалось топтаться на заднем дворе. Но если уж Ловиткиной в голову взбрела столь странная идея, то почему она не отодвинула щеколду? Или что там держит дверь…

– Попробуй еще раз, – громко сказал женский голос.

От неожиданности я подпрыгнула, повернула голову вправо и увидела Диану – та высунулась из окна бойлерной, расположенного в полуметре от входа.

– Попробуй еще разок, – повторила хозяйка, – тяни сильнее.

– Не открывается, – пожаловалась я. – Давай в окошко влезу!

– Нет, – серьезно возразила Диана, – надо войти через эту дверь!

Я еще раз безуспешно подергала за ручку. И тут вспомнила о «летнем» входе.

– Могу войти в дом через террасу, – обрадовалась я, – там же у вас всегда открыто.

– Нужно воспользоваться служебным ходом, – промямлила Диана. – Пойми, это крайне важно!

Я пожала плечами. До сих пор не замечала у Ловиткиной никаких странностей, но у каждого человека есть свои заморочки.

Я вцепилась в ручку.

– Раз, два, три! – скомандовала хозяйка.

– Не получается, – пропыхтела я.

Диана исчезла, вместо нее в окне появился охранник Юрий.

– Доброе утро, Лампада Андреевна, – поздоровался он. – Вы неправильно осуществляете решение поставленной перед вами задачи. Вскрытие двери следует производить иначе. Растопырьте ноги и тягайте!

Я уставилась на парня.

– Простите, Юрий, но мне как-то привычней орудовать руками.

Секьюрити откашлялся.

– Повторяю установку. Растопырьте ноги!

Ситуация из странной превратилась в абсурдную.

– Юра, я не понимаю, как можно растопырить ноги! Если вы предлагаете мне лечь на спину и задрать нижние конечности, то я не стану проделывать этот трюк. Да он и не поможет справиться с дверью.

– Скажете тоже! – крякнул парень. – Растопырить – это поставить ступни на ширину плеч.

– Понятно, – выдохнула я. – Слава богу, сказали по-человечески!

– На ширину плеч – термин из спорта, а растопыривание – по-нашенскому, по-военному, – похоже, обиделся охранник. – Я на службе нахожусь, мне следует понятно для своих выражевываться.

– Что вы жуете? – не поняла я.

– Ничего! – отрапортовал Юра. – При выполнении задания жрать запрещается уставом. Растопырили ноги?

Я решила более не спорить с дураком и коротко ответила:

– Да.

– Теперь упритеся наземной частью в стену, – отдал приказ секьюрити.

– Чем? – поразилась я.

– Наземной частью, – невозмутимо повторил Юра.

– А у меня есть подземная? – захихикала я.

Юра шумно втянул носом воздух.

– Ноги делятся на заднее-спинной отсек, прикрепленный к тазу сидения, коленно-сгибательный вектор и наземную часть.

Я прикусила губу. Только бы не расхохотаться! Секьюрити ни в чем не виноват, он говорит, как умеет. Помнится, недавно Костин показал мне бумагу, в которой один милиционер, составляя протокол о месте происшествия, написал: «В комнате имеется желтый комод красного цвета с тремя ящиками, пять из них взломаны при помощи неизвестного предмета, похожего на молоток, лежащего на полу с высоты человеческого роста». На фоне данного образчика пассаж про наземную часть ног кажется милым и понятным. Есть лишь одна неувязка, и я сообщу о ней парню.

– Юра, если я последую вашему совету и упрусь обеими ступнями в стену дома, то непременно упаду. Извините, в моем роду не было человека-паука.

– Отойди, – сказал кто-то в бойлерной.

Юра пропал из виду, его место заняла домработница Вера.

– Доброго вам утречка, Лампидуль Андреевна, – сладко пропела она. – От мужиков в жизни никакого толка, кроме неприятностей. Ни на что не пригодный контингент! Вы меня послушайте: беритесь двумя руками за дуру, что из дверки торчит, встаньте пошире и – раз-два, на выдохе створку дерганите. Непременно

получится!

– Похоже, в бойлерной собралось много народа… – озадаченно пробурчала я, пытаясь произвести рекомендованные действия.

– Ну да, – кивнула Вера, – все туточки – Юрка, Егор, Федька, Анька-поломойка. И хозяйка с нами.

– Почему бы мужчинам не толкнуть дверь изнутри? – поразилась я.

На лице домработницы появилось странное выражение – ее глаза округлились, как у нашей мопсихи Фени, когда она не понимает, чего от нее хотят. Потом Вера по пояс вывесилась из окна и поманила меня пальцем.

Я быстро приблизилась и спросила:

– Что у вас происходит?

Вера прижала палец к губам.

– Тс! Ненароком Илья Иваныч услышит… Лампидуль Андреевна, миленькая, сделайте, чего просят, иначе нам кранты!

Я похолодела.

– В доме террористы?

Вера быстро перекрестилась.

– Хуже!

У меня затряслись поджилки.

– Все живы?

– Пока да, – прошептала домработница, – но никто не знает, как дело повернется.

– Может, вызвать милицию? – предложила я. – ОМОН или группу немедленного реагирования. Местную охрану, в конце концов. Хотя пока последние притащатся, можно до Киева не спеша дойти.

Вера замахала руками и чуть не выпала из окна.

– Нет! Просто попробуйте открыть дверь. Резко, одним рывком. Если получится – мы спасены. Нет – нас тут и закопают. Вместе с Тихоном.

Меня стало подташнивать от ужаса.

– Вера, давай вылезай в окно и беги в наш дом.

– Ни за что Диану Эдуардовну в беде не брошу, – гордо заявила верная домработница. – Свою шкуру сберегу, а ей погибать? Ну уж нет!

Из глубины бойлерной донесся чей-то недовольный голос:

– Долго еще ждать?

Вера втянула голову в плечи.

– Лампидуль Андреевна, уж вы постарайтесь! Если дверку отколупнете, я научу вас тот пирог печь, который за три минуты, рецепт никто на свете не знает.

Я кивнула, расставила ноги, уперлась ими в керамогранитную плитку, взялась за ручку, набрала полную грудь воздуха, мысленно досчитала до пяти и со всей силой, на выдохе, рванула на себя дверь.

Раздался странный звук, то ли человеческий вскрик, то ли короткий вой собаки, и дверь стала падать. Я не успела отскочить в сторону, деревяшка навалилась на меня и втолкнула в небольшое пространство между электрогенератором и террасой.

– Обманули! – заорал Илья. – Обманули!

Я попыталась выкарабкаться из-под двери, но потерпела неудачу, оставалось лишь слушать вопли Ильи.

– Так и знал! – бушевал Ловиткин. – Больше никому не верю!

– Люшечка, – робко вклинилась Диана, – лучше…

– Не начинай! – завизжал всегда спокойный Илья. – Нет! Никогда! Я готов умереть! Но на это не пойду!

– Илья Иваныч, мы вас на руках отнесем, – залебезил Юрий, – вместе с Егоркой оттянем, а Серега рядом побежит. Шурку из отпуска вызовем, одного босса в беде не бросим…

– Заткнись! – пошел вразнос хозяин.

– Люшечка, – умоляюще протянула Диана, – ради меня, солнышко! Раз уж с дверкой не получилось, давай…

– Молчать! – взвизгнул Илья с такой силой, что бывшая дверь начала вибрировать над моей головой.

– Илья Иваныч, – хриплым басом произнес охранник Егор, – помните, как мы с вами в девяносто втором году от ментов крышами уходили, а? Автомат со «стечкиным» выбросили – патроны закончились. Нас ведь почти взяли! И вы тогда скомандовали: «Прыгай, Егорка, на другой дом. Не боись, или помрем, или выживем». Не забыли?

Хозяин буркнул нечто неразборчивое, а я решила сидеть тише бабочки. Оказывается, у интеллигентного Илюши в прошлом был криминальный опыт. Хотя, наверное, в России трудно отыскать успешного бизнесмена, который бы никогда не пересекался с преступным миром.

– Ох и страшно мне было! – продолжал Егор. – Сердце в коленки провалилось, но ведь скаканул за вами, не затормозил. И мы выжили, удрали, разбогатели,

теперь живем, в ус не дуем. Ну послушайте меня! Поехали к Наталье Алексеевне, она аккуратненько все сделает.

– Никогда! – рявкнул Илья.

Я чихнула.

– Кто там? – заорал Егор.

– Лампа, – пискнула я, – вы про меня забыли.

– Боже! Парни, сейчас же достаньте бедняжку, – занервничала Диана.

Глава 5

Когда Егор вытащил меня из западни, рядом засуетилась Диана:

– Не ушиблась? Надо скорей кофе попить, он успокаивает.

– Кофе? – переспросила я. – Всегда считала, что он, наоборот, бодрит.

– Ну вы и здоровы! – запоздало восхитился Юрий. – Маленькая женщина, а хватка, словно у носорожины. Дверь с петель снесли!

Я заморгала.

– Не хотела причинить вам урон, но Вера просила дергать за ручку изо всех сил. Что у вас случилось?

Хозяйка опустила глаза в пол.

– Ну… э… ерунда!

– Проверка системы безопасности, – лихо соврал Егор.

– Проводили учение по отражению атаки террористов, – выдал одновременно с ним свою версию Юрий.

– Лучше замолчите, – приказала им Вера. – Шутят они! Диана Эдуардовна новую щеколду купили, вот и хотели глянуть, как она себя проявит. Дрянь вещь оказалась, вы, Лампидуль Андреевна, легко ее оторвали!

Я посмотрела на поверженную дверь и никаких признаков ни шпингалета, ни другого накладного запора на ней не увидела. Вера лжет, глаза у домработницы бегают в разные стороны. Юрий, Егор и Диана тоже явно ощущают себя не в своей тарелке – охранники красные, а хозяйка смущена. Но наиболее странно выглядит Илья. Всегда невозмутимый, аккуратно причесанный, в безукоризненно отглаженной рубашке, бизнесмен сейчас растрепан, бледен и облачен в изжеванный пуловер. В дополнение ко всему у него изо рта свисала длинная белая нитка.

– Ты заболел? – испуганно спросила я у хозяина.

– Нет, – мотнул головой Илья.

– Нитка… – тихо сказала я.

– Где? – осведомился хозяин.

– Там, – ткнула я пальцем в его подбородок.

– Ничего тут нет, – быстро ответил сосед.

– Но вот же она, – настаивала я.

– Обман зрения, – уверенно заявил Илья. – Ты плохо видишь, с возрастом многие люди теряют зоркость.

Я подняла руку.

– Нет! – испуганно закричала Диана. – Лампа, не трогай!

Но меня вывел из равновесия намек Ильи на мое плохое зрение, поэтому, проигнорировав вскрик Дианы, я дернула за нитку и торжествующе произнесла:

– Моим глазам может позавидовать молодой орел, а вот ты определенно превратился в брюзгу.

Илья взвизгнул и схватился за щеку.

– Ой, мама! – захлопала в ладоши Вера. – Получилось!

Егор и Юрий начали мне кланяться, как обезумевшие японцы, и расточать неуклюжие комплименты.

– Вы такая красивая, – зачастил Юра, – такая прекрасная, словно… будто… как…

Он явно не мог подобрать нужного эпитета, и на помощь товарищу пришел Егор.

– Как винтовка с лазерным прицелом! – восторженно заявил он. – Шикарная вещь! Мечта! Ничего круче ее в руках не держал!

– Лампа, – запрыгала Диана, – ты нас спасла!

– От чего? Или от кого? – растерялась я.

– Некогда мне тут бла-бла разводить, – быстро сказал Илья и ушел.

Охранники порысили за хозяином, Вера и стоявшая тише болота девушка-поломойка испарились в ту же секунду.

– Может, теперь объяснишь, что у вас происходит? – попросила я, изучая поверженную мною дверь.

– Зуб, – загадочно вымолвила Диана.

– Зуб? – переспросила я. – Извини, но я еще больше теряюсь в догадках.

Диана захихикала. Потом, прикрыв рот рукой, пробормотала:

– На нитку глянь.

Я перевела глаза и ахнула: на конце нитки болтался… клык.

Диана продолжала прикрывать рот ладонью, давясь от смеха.

– Илья Иванович уехали! – заорала из особняка Вера.

Диана захохотала во весь голос, а до меня наконец дошел смысл произошедшего.

– Илья боялся идти к стоматологу?

Хозяйка вытерла выступившие на глазах слезы.

– Хуже ребенка, – простонала она. – Ну почему мужчины такие трусы? Вчера у него зуб заболел. Вернее, он у него давно с дыркой, ныл потихоньку, на горячее-холодное реагировал, следовало пломбу поставить, но Илья ни в какую к доктору не шел. Вечером же его так прихватило, что Илюша на стенку полез. Чего он только не делал: коньяком полоскал, к пульсу на запястье дольку чеснока привязывал, валокордин в «дупло» капал, гору анальгетиков слопал… А толку – ноль.

– Пульпит такими способами не победить, – продемонстрировала я глубокие медицинские познания.

Диана махнула рукой.

– И я ему то же самое говорила. Но не в собаку мясо! Решил Илюшка действовать по-пещерному – обвязал зуб ниткой и…

– Дальнейшее понятно, – остановила я соседку. – Одно неясно: зачем меня позвали? Неужели в доме не нашлось человека, готового рвануть дверь?

– Так Илюшка озверел, – прищурилась Диана, – кричал: «Если не получится, пристрелю на фиг!» Вот все и боялись рисковать.

– Здорово! – подпрыгнула я. – Своих жаль, так пусть он Лампу изрешетит!

– Ну что ты, – успокоила меня Ловиткина, – Илюшка за пистолет никогда не схватится. Но членов семьи он в случае неудачи упреками изведет, а тебе ничего не скажет.

Я прищелкнула языком. Если вспомнить рассказ охранника о побеге по крышам в компании с огнестрельным оружием, то станет понятно: уважаемый Илья Иванович способен на радикальные способы решения проблем.

– Когда дверь рухнула, я подумала, что всем конец пришел, – разоткровенничалась Диана. – А потом ты за ниточку дернула… Вот счастье! Спасибо, Лампочка, всех спасла!

– Не за что, – смутилась я, – всегда готова соседям зубы вырвать. Кстати, сколько лет вы тут живете?

– В Мопсине? – уточнила Диана. – Лично я с рождения. Пошли, кофейку хлебнем.

Когда мы уселись за широкий стол, Диана весело затараторила:

– Моя бабушка по материнской линии всю жизнь провела в Мопсине, и меня сюда всегда на каникулы отправляли. Никакого поселка тогда в помине не было, деревня деревней – ни воды в домах, ни газа, хорошо хоть электричество провели. Бабуля умерла, избенка мне досталась. Я ею как дачей пользовалась. Мы с Илюшей сюда на медовый месяц приехали – денег на Карибы не было. И так нам понравилось, что решили здесь жить. Продали мою городскую однушку, сделали ремонт, купили «Жигули». А потом, когда разбогатели, снесли старую халабуду…

Я весьма невежливо оборвала Диану:

– Ясно. А кто жил в нашем доме?

Ловиткина удивилась:

– Неужели ты не помнишь, у кого покупали коттедж?

Я никому не рассказывала, каким образом семья Романовых из москвичей превратилась в мопсинцев, не хотелось мне и сейчас озвучивать ту фантастическую историю, поэтому я сказала:

– Мы не встречались с хозяйкой. Она эмигрантка, живет в Америке, замужем за богатым человеком, недвижимость в Мопсине ей ни к чему. Скажи, пожалуйста, ты слышала что-нибудь о семье Приваловых?

Диана закашлялась.

– Татьяна Привалова, – уточнила я, – ее отец Федор Сергеевич, мачеха Иветта и сын последней Михаил.

Соседка залпом осушила чашку кофе и сдавленно спросила:

– Макеева тебе натрепала? Не верь, она дрянная баба. Вечно всем завидует.

– Кто такая Макеева? – удивилась я.

– Тамарка, – ткнула рукой в сторону эркера Диана, – живет в развалюшке. Когда мы приняли решение обнести Мопсино забором и охрану поставить, все согласились, даже баба Дуня с ее копеечной пенсией в расходах участвовала. Конечно, мы с нее символический взнос взяли, но ведь старуха платить не отказывалась. А Тамарка ни рубля не дала, да еще скандал устроила, орала: «Вы здесь все богатые собрались, а я картошку в суп считаю. Либо за меня тысячи сдавайте, либо без изгороди живите. Мне бояться некого, миллионов в доме не держу, брильянты не собираю. Воры как придут, так и уйдут с пустыми руками».

– Никогда с ней не встречалась, – сказала я.

– Остальные не могли наболтать, – вздохнула Диана. – У нас тут хорошие люди живут, одна Тамара с гнильцой.

– Татьяну Привалову посадили? – огорошила я Диану новым вопросом.

– Нет, ты точно у Томки побывала! – укоризненно воскликнула соседка. – Это в ее стиле – на людей напраслину возводить. Ну жили тут Приваловы, Федор и Ирина. Нормальная пара, тихая, спокойная. Ира простая, из наших, а Федя из Москвы, кандидат наук. Иришка, можно сказать, от сохи, а Федя белая кость, мама-папа профессора, в университете преподавали. Сынок по их стопам пошел, только я забыла, в какой науке он специализировался.

– Странно, что такой мужик обратил внимание на девицу из села, – удивилась я.

Диана поморщилась, но продолжила рассказ:

– Отец Иры рано спился, мать с утра до ночи на работе крутилась. Ирка с детства хозяйство вела: воду таскала, дрова колола, за коровой ходила. Где уж тут время на учебу найти? Еле-еле восьмилетку окончила и в прислуги подалась. Тут неподалеку, в Казакове, церковь стоит. Галина, мать Иры, сильно верующая была и дочь постоянно с собой на службу таскала. А потом устроила ее у местного батюшки дом вести. Ира к пяти утра на работу через лес несколько километров бегала.

– Не позавидуешь ей, – покачала я головой.

– Верно, – согласилась Диана. – В шестнадцать лет Ира забеременела от Федора. Он был старше ее, парню тогда двадцать исполнилось, его родители в Мопсине дачу снимали.

– Это называется совращением малолетних и сурово карается, – вновь влезла я со своим замечанием.

– Ага, – не стала спорить Диана, – да только Ире повезло. Родители парня испугались и дело замяли – сыграли свадьбу. Дочка у них родилась. Галина, мать Иры, молодым избу оставила, а сама в Казаково уехала, у нее там еще один дом был. Федя диссертацию защитил, все отлично уладилось.

– Повезло, – кивнула я.

– Я тоже так сначала думала, – кивнула Диана. – Но счастья Ире немного было отпущено, она совсем молодой умерла.

– От чего же она ушла на тот свет? – проявила я живой интерес.

Диана пожала плечами.

– Говорили, у нее сердце больное было, с детства тяжелой работой надорванное. Федор долго по ней не убивался, женился неприлично быстро на женщине по имени Вета.

– Федор плохо относился к первой жене? – предположила я.

– Наоборот! Идеальный был муж – не пил, не курил, рубли в дом тащил, коттедж отстраивал, запретил Ире работать, содержал и ее, и Таню. Немного скупой и слишком авторитарный, но тут Ира сама виновата. Ей следовало овладеть хоть какой-нибудь профессией и самой встать на ноги. Если полностью зависишь от мужа и выпрашиваешь у него деньги на губную помаду, то не удивляйся, что он перестал уважать тебя, – отчеканила Диана. – Надо отстаивать свою самостоятельность, а Ирка полностью подчинилась Федору. Она после свадьбы стала такая тихая, словно прибитая. Пошла лаборанткой работать, пробирки мыла в нашей поликлинике в Анохине, а потом Федор ей запретил.

– Ясно, – пробормотала я. – А за какое преступление посадили Привалову-младшую?

– Вот уж чего не знаю, того не знаю, – покраснев, ответила соседка. – Я стараюсь в чужие дела нос не совать. Ты живи спокойно, наплюй на глупые сплетни. Все неправда!

– Что? – уперлась я в Ловиткину взглядом.

– Ну… про привидение… про проклятие… – нехотя выдавила Диана.

– С этого места, пожалуйста, поподробнее, – оживилась я.

Диана опустила голову.

– Деталей я не знаю. В Мопсине существует дурацкая легенда о белом человеке, который приходит из леса, чтобы уничтожить всех, кто поселился в усадьбе Ирки.

– Супер! – только и сумела сказать я. – Откуда взялся призрак?

Диана затеребила рукав домашнего платья.

– Это же деревня! Тут тебе понарасскажут и про торт с красными розами, и про черную руку!

– Бисквит и рука – детские страшилки, – не согласилась я.

– Призрак тоже, – возразила Ловиткина. – Якобы триста лет назад здесь убили купца. Он остановился в доме, который стоял на месте вашего, и хозяин, польстившись на толстый кошелек постояльца, зарубил его топором. С той поры купец иногда приходит на место преступления и наказывает хозяев дома.

– Какой злопамятный! – не удержала я улыбку.

– Угу, – кивнула Диана и поежилась.

– А еще тупой, – не успокаивалась я. – Неужели не видит, что владелец дома другой?

– Призраки подслеповаты, – сухо сообщила соседка.

Я рассмеялась в голос.

– А еще в Гражданскую войну здесь трех девок застрелили, – округлила глаза Диана.

– Совсем не удивительно, – заявила я. – Тогда постоянно людей жизни лишали: красные придут – белых бьют, белые село возьмут – красных под расстрел. А еще

были банды зеленых, только не подумай, что я говорю о гринписовцах.

Видно, мои слова задели соседку, и она решила наказать слишком развеселившуюся Лампу.

– Думай как хочешь, но в доме нечисто. И Мишу у Приваловых убили. Ой! – Диана прикрыла рот рукой.

Но я вцепилась в нее, как терьер в мячик.

– Живо рассказывай!

Глава 6

– Извини, – пробубнила Диана, – не хотела тебя пугать. Может, не будем говорить на эту тему?

– Нет уж, рассказывай, что за страшная история связана с домом, – не успокаивалась я.

– Привидение! – опять воскликнула Ловиткина.

Я отмахнулась от нее, как от надоедливой мухи.

– Об исторических казусах потом потреплемся. Лучше расскажи о Мише!

Соседка опустила голову.

– Его убили.

– В доме? – я решила до конца все разузнать.

– Да, – прошептала Диана. – Говорят, в твоей теперешней спальне.

– Ни секунды не сомневалась, что несчастье приключилось именно там, – вздохнула я. – Излагай подробности.

– Тебе они нужны? – начала сопротивляться Ловиткина. – Понимаешь, мне не хочется первой открывать тебе тайну.

Я поудобнее устроилась в кресле и заявила:

– Рано или поздно кто-нибудь из мопсинцев все равно бы проболтался, а мне приятнее узнать эту историю от тебя.

– Вы тогда сразу участок продадите и уедете… – плаксиво протянула Диана. – А мы успели подружиться, Тихон твоих собачек обожает! Вот Некрасовых мне совсем не жаль, а по тебе скучать буду. И Тиша! Он без мопсих от тоски умрет!

– Кто такие Некрасовы? – удивилась я незнакомой фамилии.

– Да жили тут… – шмыгнула носом Ловиткина. – Леонид и Галина. О покойных плохо не говорят, но они вредные были. Леня врач, а никому из наших даже давление измерить не хотел. Один раз у Наташи Мироненко сердечный приступ случился, ее муж, Андрей, кинулся к Некрасову, попросил сделать жене укол. А тот, с позволения сказать доктор, ему ответил: «Мопсино не мой участок, я не на работе, „Скорую“ вызывай». Андрюша попытался усовестить его, мол, уже позвонил ноль-три, но пока медики сюда доберутся, Наташе совсем плохо станет, и Леонид же клятву Гиппократа давал! Некрасов не смутился и заявил: «Чего и кому я давал– не твое дело. Только начни вам помогать, живо на шею сядете!» – «Ну ты и скот!» – вспылил Андрей. И знаешь, что сказал в ответ Некрасов?

– Что? – спросила я.

– Он сказал: «Правильно. И буду тебе крайне благодарен, если донесешь сию мысль до каждого жителя деревни. Прямо сейчас можешь кричать: „Некрасов сукин сын, не ходите к нему, ни за какие пряники умирающему стакана воды не подаст“. Авось тогда меня оставят в покое». Вот как!

– Жестко, – кивнула я.

– Они ни с кем не здоровались, – продолжала Диана, – за продуктами в Москву катались, ни разу в местную лавку даже за хлебом не сунулись. Понимаешь, почему никто из наших не расстроился, когда парочка в аварию попала? Говорят, их машину в лепешку смяло!

Я сообразила, что Диана уводит разговор в сторону от Приваловых, и коротко сказала:

– Вчера ко мне приходила Татьяна, дочь Федора. Она искала мачеху и отца.

Глаза Дианы чуть не выкатились из орбит.

– Она же умерла! Говорили, ее на зоне зарезали! Ой, не слушай меня…

– Наоборот, – вздохнула я, – как раз очень хочу тебя послушать. Сделай одолжение, расскажи, что знаешь, но только не неси больше чушь про привидения. Сразу хочу тебя успокоить: я не верю ни в призраки, ни в приметы, ни в инопланетян. Никуда из поселка убегать не собираюсь, мне здесь очень нравится.

Диана набрала полную грудь воздуха, задержала на пару секунд дыхание, с шумом выдохнула и начала рассказ…

История, до глубины души потрясшая мопсинцев, случилась много лет назад. Ирина к тому времени умерла, Федор женился на Вете, и зажили они вполне счастливо. Несмотря на то что в Мопсине любили первую жену Привалова, никто его за скоропалительный второй брак осуждать не стал. Все понимали, что одному поднимать ребенка трудно, к тому же Вета оказалась очень милой, приветливой женщиной и определенно подходила Привалову в супруги намного больше Иры – Иветта работала вместе с Федором в НИИ.

А еще женщина разводила цветы. Едва она поселилась в Мопсине, как в саду Приваловых появились невиданные растения. Пару месяцев коренное население ахало издалека, пытаясь понять, что там такое ярко-синее и пурпурно-красное растет, а потом женщины протоптали дорожку к Вете. Вторая жена Федора щедро делилась с соседками семенами, причем экзотическими цветами дело не ограничилось. Иветта знала, какие огурцы спокойно перенесут капризы подмосковной погоды, что следует сделать, чтобы вырастить отличные

помидоры, и познакомила мопсинцев с такими овощами, как дайкон и топинамбур.

Кроме того, Вета любила животных. Она держала собак и кошек, умела их лечить, поэтому со всей округи к Приваловым тащили четвероногих со сломанными лапами, с больными желудками и прочей бедой. Именно Вета убедила мопсинцев провести поголовную вакцинацию домашних любимцев и избавить их от блох. Короче говоря, не прошло и года, как аборигенам поселка стало казаться, что Иветта обитает тут с рождения, настолько близким человеком она для всех стала.

– Повезло Татьяне, – говорили местные бабы, глядя, как девочка идет утром к остановке автобуса, чтобы ехать в школу. – Одета чисто, накормлена, Вета ей вместо матери стала. И Миша у нее симпатичный, не капризный. Вот у Андреевых беда – там все пьют и дерутся, скоро небось поубивают друг друга.

Но события развивались совсем не так, как предрекали местные кумушки. Не просыхавшие от водки Андреевы колошматили друг друга чем ни попадя, потом обнимались, рыдали и жили счастливо до следующего запоя, а у интеллигентных, даже в праздник не прикладывающихся к стопке Приваловых случился кошмар.

Когда Мише исполнилось девять лет, Танечка отметила восемнадцатый день рождения, но еще училась в школе. Дело в том, что в семь лет девочка попала под машину. Травмы были очень тяжелые, больше года малышка провела в больнице, потом последовал долгий период реабилитации, врачи не советовали утруждать сильно ослабленный организм учебой. Вот почему, достигнув совершеннолетия, Танюша училась в одном классе с теми, кому едва исполнилось шестнадцать.

Тот год выдался дождливым и холодным. Диана каждый вечер топила печь – и зимой, и летом. Газового котла у Ловиткиной тогда не было, впрочем, большими деньгами она тоже не обладала, особняк со всеми удобствами еще не возвела и замуж за Илью не вышла. Правда, уже получила от парня предложение руки и сердца, но жених пока жил в Москве, в Мопсине не показывался.

Однажды в непогожий летний день около семи утра Диана замерзла и решила подбросить в печь дровишек. Тихо ругая сквозь зубы сошедшую с ума природу,

Ловиткина влезла в плащ и потопала к поленнице у забора. Не успела Диана подойти к навесу, как услышала нервный голос Веты:

– Федя, надо в милицию бежать!

– Успокойся, он скоро явится, – ответил муж.

– Но уже утро! – напомнила Вета.

– Проголодается – прибежит, – заявил Привалов.

– Вокруг посмотри, – не унималась Вета, – темнота и холод! Только сумасшедший выйдет в такую погоду гулять!

– Экая ты тревожная… – рассердился Федор. – Наверняка он ночевал у приятелей в доме.

– Я всех, кажется, обошла, Миши нигде нет! – воскликнула Вета.

– Послушай, – сказал муж, – парень решил проявить самостоятельность, мало кто в таком возрасте слушается мать. Друзья позвали, он побежал, остался у кого-то. Вернется – я его накажу, оставлю без телевизора на неделю. Пошли домой.

Диана схватила дрова и вернулась в избу, диалог Веты и Феди не вызвал у нее удивления. Но в полдень, когда Ловиткина пришла в магазин за хлебом, ей рассказали, что Миша исчез. Мальчик лег вечером спать, но утром его в кровати не было. Сначала родители решили, что он тайком вылез в окно и побежал к приятелям, а потом заснул в гостях, но вскоре стало ясно: Миши нет в селе.

В Мопсине началась паника. До сих пор, несмотря на творившийся в стране криминальный беспредел, в деревне было тихо и дети здесь никогда не пропадали.

И вот такой случай… Еще до того, как за дело взялись сотрудники милиции, мопсинцы сами отправились на поиски ребенка. Руководил спасательной операцией Семен Петров. Вета слегла в постель, Федор откровенно растерялся, а Тани не было видно, вроде она заболела.

Семен проявил недюжинные организаторские способности, отряд мужчин и женщин отправился в лес. Ходили почти до ночи, но безуспешно. А на следующее утро милиция неожиданно наткнулась на тело Миши в глубоком овраге, недалеко от Мопсина. Почему мальчик очутился там, куда не заглядывали даже взрослые, зачем вообще залез в чащу? Все эти вопросы жители деревни Мопсино задавали друг другу до тех пор, пока судебный медик не сообщил: Миша, по всей вероятности, стал жертвой педофила. Маньяк попытался изнасиловать мальчика, но не успел совершить задуманное – либо мерзавца что-то спугнуло, либо он слишком сильно ударил ребенка по голове и тот скончался до того, как насильник над ним надругался.

Вот когда всем обитателям деревни стало по-настоящему страшно. Многие спешно установили на окна решетки, детям запретили выходить за ворота без взрослых, их загоняли в дома, как только на улице начинало смеркаться.

А потом в Мопсино нагрянула милиция и арестовала… Таню. Даже воспаленная фантазия местного сарафанного радио не могла бы придумать столь драматичного поворота событий. Оперативники пошли по домам, старательно опрашивая население, и в конце концов один из милиционеров заглянул к старухе Панкратовой. Он не отказался от чашки чая, а еще предварительно порасспрашивал других соседей, потому что разговор с Панкратовой начал вопросом:

– Говорят, тем утром, когда пропал Миша, вы встретили Татьяну и она выглядела странно?

– Да, – подтвердила старуха. – Ударил град, я вышла прикрыть парник, но градины внезапно перестали сыпаться. Такая тишина наступила, как в могиле! Вдруг слышу – трещит что-то. Вгляделась и увидела Таню. Но в каком виде! Вся грязная, руки в глине, волосы тоже, взгляд безумный…

– Вы ее окликнули? – заинтересовался оперативник.

– Ну да, – кивнула бабка. – Спросила, не нужна ли помощь да где она была, что случилось.

– И как девушка отреагировала? – вкрадчиво спросил милиционер.

– Заплакала. Сказала, что идет со станции, а по дороге упала в лужу. Мне ее так жалко стало, прямо до слез, – пробормотала Панкратова. – А почему Таню арестовали?

Мужчина помолчал мгновение, потом сообщил:

– В тот день, когда вам до слез стало жаль девушку, она убила в овраге своего брата. Следствие располагает неопровержимыми уликами, подтверждающими факт совершения преступления Татьяной Приваловой. На суде все услышите.

В зал заседаний мопсинцы явились почти в полном составе.

Татьяна сидела на скамье подсудимых и за весь процесс не произнесла ни слова. Вместо девушки говорил адвокат, лысый потный мужик в поношенном костюме. Защитник попытался вызвать сочувствие к клиентке, рассказал, что Таня рано лишилась матери, не получала тепла и ласки, мачеха проявляла о падчерице лишь формальную заботу, вот она и сорвалась, убила мальчика в состоянии аффекта.

– Ни о каком нервном срыве и речи быть не может! – возмутился прокурор. – Привалова тщательно спланировала преступление. Она обманом завела Михаила в лес, убила его и бросила в овраг в надежде, что труп не найдут. Криминалисты обнаружили на обуви Приваловой частицы почвы, совпадающие по составу с взятой с места нахождения тела. Только в том овраге растет очень редкое для Подмосковья растение мшанка розовая, а более нигде в данной местности. Так вот на подошве обуви Приваловой обнаружена пыльца этой самой мшанки. Соседи, Елена Панкратова и Григорий Водоносов, видели, как Татьяна Привалова, вся в грязи, возвращалась ночью из леса. Водоносов не стал разговаривать с девушкой, а Панкратова с ней пообщалась. В деле имеются ее показания, изобличающие убийцу мальчика.

По залу пролетел общий вздох. Диану затошнило, слушать приговор она не стала, о том, что Татьяна получила большой срок, ей рассказали соседки.

Глава 7

– Страшная история, – поежилась я.

– Отвратительная, – передернулась Диана.

– А почему ты сказала, что убийство произошло в моей спальне? – запоздало удивилась я. – Насколько я поняла, Мишу лишили жизни в лесу.

– Кто сказал такую глупость? – изумилась Диана.

– Ты, – напомнила я, – в самом начале разговора.

Ловиткина поджала губы.

– Понятия не имею, отчего это брякнула. Вероятно, ты меня неправильно поняла.

У меня отлегло на душе. Конечно, не очень приятно знать, что в твоем уютном домике ранее жила девушка-убийца, но совсем жутко услышать о совершенном в нем кровавом преступлении.

– Федор и Вета отсюда сразу уехали, – завершила рассказ Диана, – дом супруги продали, он потом несколько раз из рук в руки переходил.

– Диана Эдуардовна, – заглянула в столовую домработница, – там Егор приехал, аквариумы с черепахами чистить надо.

– Иду, – неохотно ответила Ловиткина.

Я поднялась.

– Мне пора.

Диана кивнула.

– Хорошо, спасибо за помощь с зубом. Прости, что не предупредила тебя о «стоматологической операции». Побоялась – если узнаешь, не сможешь с нужной силой рвануть дверь.

Я засмеялась.

– Да уж, не каждый день представляется возможность драть клыки соседям… Думаю, огромное количество людей с удовольствием бы проделало подобное.

– Точно, – хихикнула Ловиткина.

Едва переступив порог нашего дома, я услышала писк телефона и побежала искать свой мобильный. Аппарат нашелся в столовой, на диване.

– Лампуша, – чуть задыхаясь, произнесла Катюша, – у нас остался лак для паркета?

– После ремонта в кладовке стоит маленькая баночка, – подтвердила я. – А зачем тебе?

– Я утром заметила в столовой, около окна, странные царапины. Совсем свежие, похоже, какая-то из собак пол скребла. И плинтусу досталось. Подмажь, пожалуйста, а то темные пятна появятся, – попросила Катюша. – Я уронила плед с дивана, стала его поднимать и увидела.

– Конечно, покрашу их лаком, не беспокойся, – пообещала я. – У меня же отпуск. А что положено делать женщине в свободное время? Приводить в порядок запущенное хозяйство.

Катюша рассмеялась и отсоединилась, а я стала искать повреждения и обнаружила их там, где говорила подруга, – в непосредственной близости от окна.

Чтобы представить себе фронт предстоящих работ, я присела на корточки и стала изучать царапины. Это безобразие явно совершил кто-то из собак, причем преступник стопроцентно мопс. У Рейчел и Рамика слишком большие лапы и мощные когти, если стаффордширихе или дворторьеру взбредет на ум рыть подкоп, от паркетин останутся одни стружки и плинтус не устоит.

– Эй, Муля, Феня, Капа, Ада, идите сюда! – закричала я.

Четыре бежевые тушки, энергично виляя скрученными хвостами, немедля явились на зов. Я внимательно оглядела их складчатые мордочки.

– Значит, так, милые мои, не бывает идеальных преступлений, встречаются нерадивые, ленивые, тупые следователи, которым неохота сопоставлять улики и рыться в фактах, или они не способны делать логические выводы, вот почему некоторым преступникам удается избежать наказания. Но я не принадлежу к оному племени. Живо показывайте лапы!

У Мули оказались слишком тупые когти, поэтому я сразу сняла с нее подозрения, Феня с Адой тоже не заинтересовали «эксперта», а вот Капа… Мало того, что у нее был частично обломан «маникюр», так еще и в подушечках передних лап обнаружились занозы.

– Ты меня поражаешь, – покачала я головой, направляясь к аптечке. – Рыть окоп в столовой? Зачем? Ты хотела выйти на улицу? Поленилась добежать до двери?

Внезапно вспомнился сон, привидевшийся мне после того, как я, выпив чаю со снотворным, свалилась на диван. В моем сне я наблюдала за Капой, которая яростно скребла передними лапами пол у окна. Значит, находясь в полудреме, я и на самом деле видела мопсиху.

Я выдвинула ящик, где мы храним аптечку, послышался характерный скрип, и собак как ветром сдуло из столовой. Мопсы расчудесно понимают: коли Лампа полезла к йоду и таблеткам, лучше побыстрее смыться, а то еще получишь укол в холку или в уши потекут капли.

– Трусихи, – резюмировала я. – Все свободны, кроме Капы. Капуся, иди сюда, надо вытащить занозы, это неприятно, но не смертельно.

Продолжая звать Капитолину, я задвинула ящик, услышала тот же противный звук и насторожилась. Минуточку! Я внезапно вспомнила одну деталь: когда спала на диване, вдруг раздался скрежет, такой неприятный, что на пару минут я вынырнула из забытья, увидела истово орудующую конечностями Капу и снова крепко заснула. Но что могло скрежетать и отчего собака впала в раж?

Забыв про занозы, я вернулась к дивану, села на него и стала подпрыгивать на подушках. Нет, диван новый, он не скрипит. В столовой нет ничего железного, ржавого, что способно издавать «мелодию», подобную тарахтению старого трактора, переезжающего через рельсы. И Капитолиной овладевает охотничий азарт только тогда, когда она чует добычу. Может, под домом поселились мыши? Но у нас нет подвала! И что из этого следует?

Постояв пару минут в раздумье, я вышла во двор, порадовалась солнышку и пошла в ту сторону, куда выходят окна столовой.

Следующий час я самым тщательным образом исследовала стену коттеджа и отмостку, прикрывавшую землю около дома. Все кирпичи были на своих местах, ни один из них не вынимался, да и плитка выглядела образцово. Версия о том, что Татьяна открывала тайник, оборудованный снаружи здания, рушилась на глазах.

В конце концов я устала и бездумно огляделась. Весна пришла и в Мопсино. Правда, погода нестабильна, но вскоре зацветут тюльпаны, появится сочная зеленая травка. Кстати, птички уже весело поют по утрам. У нас на участке полно пернатых, но, к сожалению, мне неизвестно, как они называются. Это юркие маленькие создания с желтыми грудками. Одна из них свила гнездо вон на той невысокой шарообразной туе. Мой взгляд переместился на вечнозеленое растение, и я тут же расстроилась. Туя стояла, опустив ветви. Неужели деревце решило засохнуть? Хоть и не мы его сажали, шар достался нам от кого-то из прежних хозяев, но все равно жалко. Надо сказать о незадаче Катюше. Она давно увлекается садоводством, возможно, ей удастся спасти дерево.

Я подошла вплотную к несчастному деревцу и поняла, что оно еще и накренилось. Попыталась придать бедняге строго вертикальное положение, но туя неожиданно завалилась набок – земля у ее ствола оказалась свежевскопанной. Я побежала к сарайчику, зажгла свет и оглядела лопаты. Главный садовод в нашем доме Катюша, и она, как все хирурги, невероятно аккуратна и педантична. Профессия всегда налагает отпечаток на человека! Не удивлюсь, если узнаю, что моя подруга, завершив посадки, тщательно пересчитывает тяпки и прочее, дабы убедиться: в саду не забыты ни одни грабли. В сарае Катя навела немецкий порядок, каждая вещь имеет строго определенное место: ведра выстроились по росту, совки, мотыги, вилы вымыты до блеска.

Но среди царящей здесь хирургической чистоты резко выделялась одна лопата. Во-первых, она находилась в куче метелок, и во-вторых, лезвие было покрыто засохшей землей. Но Катюша никогда не поставит в сараюшку измазанный заступ!

Сердце затряслось, словно мышь, попавшая под ливень. Я схватила грязный инструмент и кинулась назад к туе.

Деревце легко вытащилось из почвы. Так-так… Кто-то уже на днях выкапывал его, потом плохо установил назад, не утрамбовал почву у корней, а не прекращавшийся ночью дождь размыл рыхлую землю.

Осторожно переместив тую, я стала ковырять лопатой почву и спустя некоторое время увидела ручку, торчавшую из грязи. Недолго думая, я потянула за скобу, послышался короткий, рвущий душу скрежет, и открылось нечто, напоминающее подпол. Вниз вела лестница, такая же железная и ржавая, как крышка люка, прикрывавшая вход в тайник. Вот какой звук разбудил меня, одурманенную лекарством, – Татьяна открыла люк. Привалова приехала за чем-то, спрятанным под землей. И что это было? Навряд ли золото-бриллианты. Татьяну арестовали не за грабеж или нападение на банк, она убийца, которая хладнокровно расправилась с мальчиком. Мопсиха Капа совсем не дура, она услышала посторонние звуки из сада и начала скрести лапами возле окна, пытаясь добраться до источника скрежета.

На секунду мое благоразумие шепнуло: «Лампа, не лезь туда! Вероятно, внизу полно мышей и крыс».

Но я не боюсь грызунов. Меня смущала лишь полнейшая темнота. Поэтому, перед тем как заняться спелеологией, мне показалось правильным сгонять за фонарем.

Мощный луч света разбил тьму, я осторожно спустилась и обнаружила, что пол в подземелье выложен мелкой плиткой, а стены – очень старым белым, слегка потрескавшимся кафелем. Прямо у входа на стене был выключатель, я нажала на черную клавишу, под потолком вспыхнула лампочка. Стало понятно: это не погреб, в котором хранят соленья, хотя, очевидно, первоначально помещение готовили под склад банок, а комната, в которой некогда жила женщина.

У дальней стены стояла софа, прикрытая останками ватного одеяла, в изголовье лежали подушки. Здесь были тумбочка с настольной лампой, небольшой обеденный стол под покрытой плесенью клеенкой, стеллаж с подпорченными книгами, разваливающееся кресло, два стула и корзинка с вязаньем. Подвал имел нечто типа ответвления, прикрытого занавеской.

Я отодвинула полотно материи и обнаружила раковину, потускневшее зеркало и два ведра. Одно стояло под рукомойником и служило сливом, другое, прикрытое крышкой, очевидно, исполняло роль туалета.

В полной растерянности я вернулась в «жилой отсек». Для кого предназначался схрон? Наверное, тут было очень душно. Хотя сейчас никакого недостатка в кислороде я не испытывала – над головой был открытый люк. Вероятно, та, что сидела под землей, ночью проветривала убежище.

Почему я решила, что здесь жила женщина? Ну, для начала по подбору оставшихся на полках подпорченных книг – сплошь любовные романы и пособие по уходу за новорожденными. А еще к такому выводу подталкивала корзинка со спицами. Незнакомка мастерила крохотный свитерок из синтетической пряжи размером чуть больше моей ладони, но работу она не завершила, бросила ее тут.

Мне стало совсем не по себе. Я еще раз осмотрела помещение, выключила свет, выбралась наружу, тщательно закрыла люк, засыпала его землей, воткнула сверху тую, утрамбовала почву, полила деревце, помыла лопату.

Руки действовали автоматически, в голове тем временем теснились вопросы.

Кто сидел в подземелье? Беременная женщина, которая читала пособие по уходу за младенцами и вязала ребенку кофточку.

Не может быть! Но это был единственный правдоподобный ответ. Почему тетка пряталась? По какой причине подвергла себя заточению? За ней ухаживали? Конечно, какой-то человек должен был приносить ей еду, воду, выливать из ведра. Но почему его не заметили хозяева участка? Или они посадили в яму свою родственницу? Почему Привалова полезла в погреб? Какое отношение убийца имеет к будущей матери? Когда беременная ушла? Куда? С кем? Кто она?

У меня заломило в висках, но вопросы сыпались, как горох из порванного мешка. Эмигрантка, у которой мы приобрели дом, ни словом не обмолвилась о тайной комнате. Она о ней не знала? Или надеялась, что мы ничего не обнаружим? Но основной вопрос, самый главный, звучал так: с чего бы Татьяне Приваловой после зоны торопиться в Мопсино? Она убила сына Веты, преступление совершено давно, наказание за него она отбыла, но ведь глупо думать, что мать Миши с распростертыми объятиями примет падчерицу! И тем не менее Таня явилась домой, не побоялась совсем не радостного свидания с родственниками.

Я чихнула и тут же выдвинула новую версию. Нет, Привалова спешила не к мачехе, она хотела забрать что-то из подвала.

Но зачем звонить в дом, спрашивать Вету, интересоваться отцом?

Я пошла в ванную, тщательно вымыла руки, переоделась и позвонила Ловиткиной.

– Диана Эдуардовна уехала в город, – пояснила домработница Вера.

– Да? – удивилась я. – Вроде она сегодня никуда не собиралась.

– Из бутика «Айзель» ее потревожили, – охотно разболтала хозяйские планы прислуга, – им новая коллекция поступила, вот Диана Эдуардовна и заспешила в центр. Клювом щелкать нельзя, в один час одежду раскупят.

– Когда Диана вернется? – поинтересовалась я.

– Вот этого не знаю, – призналась Вера. – Наверное, не раньше вечера.

От тоски я выпила две чашки кофе, потом решительно встала и направилась на другой конец поселка, к дому Тамары Макеевой.

На фоне добротных особняков из красного кирпича одноэтажный деревянный домик главной местной сплетницы казался похожим на хлипкий сарайчик, построенный одним из трех поросят. Не помню, как звали наиболее ленивого из славной компании: Ниф-Ниф, Наф-Наф или Нуф-Нуф, но даже он, наверное, лучше следил за жильем, чем Тамара.

Некогда синяя крыша избенки превратилась в грязно-серую, с наружных стен кусками свисала краска, у крыльца провалились ступеньки, от перил остались лишь воспоминания, а из-под разодранного дерматина, прикрывавшего входную дверь, торчали клочья желтой ваты.

– Ау, есть тут кто? – закричала я, минуя на редкость загаженные сени, забитые пустыми банками, бутылками и полиэтиленовыми мешками с тряпками.

Хозяйка не ответила. Я смело шагнула в кухню и чуть не задохнулась от смеси «ароматов»: сильно несло кошачьей мочой, переваренным мясом и грязным бельем. Внезапно к «букету» добавился аромат ландышей, и нежный, почти детский голосок пропел:

– Вы ко мне?

– Ищу Тамару Макееву, – быстро ответила я.

– Хорошо, что зашли, – отозвался сладкий дискант, – а то никак не познакомимся. Рада встрече. Тома.

Я повернула голову и увидела, как из-за жутко грязной занавески, скрывавшей от глаз внутреннюю часть избы, выходит хозяйка.

Глава 8

Наша семья никогда не ссорится с соседями. Наверное, мы все уродились на редкость неконфликтными, поэтому предпочитаем худой мир доброй ссоре и всегда вежливо общаемся с людьми, живущими рядом. Обитая в многоэтажной башне, никто из Романовых никогда не стучал скалкой по батарее, не звонил после полуночи в чужие двери, требуя сделать потише музыку, не шипел на подростков, сидевших по вечерам на скамейках, и не пинал ногами чужие пакеты с мусором, небрежно брошенные на лестничной площадке. Катя, Юля, Сережка, Вовка и я очень заняты, у нас едва хватает пыла, чтобы воспитывать Кирюшу с Лизаветой, на внушение хороших манер посторонним людям нет ни времени, ни желания. И в Мопсине мы придерживаемся той же политики:

приветливо здороваемся с окружающими, но ни в какие местные коалиции не вступаем.

Услыхав от Дианы имя и фамилию «Тамара Макеева», я не представляла, как выглядит женщина, но, не знаю почему, решила, что ей под семьдесят. Однако сейчас передо мной стояла ярко накрашенная особа с тщательно завитыми волосами, которой по виду было столько же лет, сколько и мне.

– Тома? – пытаясь скрыть удивление, повторила я.

Макеева расплылась в сладкой улыбке.

– Верно, меня все так зовут. Тамара – как-то сурово. А ты Лампа, я знаю. Хоть мне собственное имя и не особо нравится, но твое вообще странное.

Я постепенно пришла в себя и вступила в разговор:

– Привыкла уже!

– Некоторые родители обзовут ребенка и не подумают, как ему потом жить, – развила тему Тамара. – Жили тут у нас Кошкины. Фамилия смешная, но милая. Василий и Нина Кошкины, приятные люди, учительствовали в местной школе. А когда у Нины родилась дочка, Вася окрестил малышку Клеопатрой. Мало того, что ребенка вся округа Клепой звала, так еще и в паспорте у нее напишут: Клеопатра Васильевна Кошкина.

– Забавно, – улыбнулась я.

– Да ты садись, – радушно предложила Тамара. – Чайку желаешь?

Не дождавшись ответа, хозяйка выставила на стол две не очень чистые кружки и включила электрочайник, украшенный засохшими пятнами жира. Я опустилась на засаленную подушку, прикрывавшую сиденье колченогого стула.

– Осуждаешь беспорядок? – вдруг спросила Макеева.

Я удивилась интуиции Тамары и изобразила недоумение:

– Беспорядок? По-моему, все как у всех, ничего особенного.

Хозяйка засмеялась.

– Не старайся, я всегда читаю чужие мысли. У меня и бабушка, и мама будущее предсказывать умели, я тоже гадаю, тем и живу. Ты, когда меня увидела, удивилась: в избе кавардак, а Тома в красивом платье и при макияже. Я с работы только что приехала. В загсе служу, всякие церемонии провожу, устаю очень – целый день с народом. На уборку сил не хватает, да и неохота с тряпкой бегать.

Я невольно улыбнулась. Может, Макеева и разнузданная сплетница, но она ничего из себя не корчит, честно признается в собственной лени. Абсолютное же большинство женщин, даже записных нерях, стало бы сейчас оправдываться, а Тамаре плевать на мое мнение.

– Правильно, – кивнула Макеева, снова прочитав мои мысли, и разлила кипяток по чашкам, – я не считаю нужным выделываться. Мой дом – моя крепость! Хочу на полу ем, хочу на комоде сплю. Сама ни к кому не лезу, но и к себе с осуждением не пущу. Тебе погадать?

Тамара так стремительно сменила тему разговора, что я растерялась.

– В смысле на картах?

– Ну да, – пожала плечами Макеева. – Иначе зачем пришла? Ко мне со всей округи бегут.

Тома выдвинула ящик стола, достала оттуда колоду карт и протянула мне.

– Посиди.

– Что? – поразилась я.

– Первый раз тебе гадают, – объяснила Макеева, – надо сесть на картишки.

– Зачем?

– Хочешь правду узнать? – сузила глаза Тома. – Тогда не задавай лишних вопросов, делай, что велю.

Мне пришлось засунуть под себя колоду карт.

– Отлично, – заявила через пару мгновений Макеева, – давай сюда, начинаю!

– Подожди, – остановила я цыганку подмосковного розлива, – я еще ничего у тебя не спросила.

– А и не надо, – Тамара деловито разбрасывала по клеенке разноцветные картинки. – Только шарлатанкам вопросы нужны, я же тебе сама все расскажу. Ну, слушай… Хоть и считают все вас с Катериной сестрами, но кровного родства меж вами нет. Фамилия у вас одна и отчество совпадает, но ведь Андрей не редкое имя.

Я приоткрыла рот. Мое знакомство с Катюшей и ее семьей связано с обстоятельствами, о которых я очень не люблю вспоминать.[2 - История отношений Кати и Лампы рассказана в книге Дарьи Донцовой «Маникюр для покойника», издательство «Эксмо».] Судьба совершенно случайно столкнула меня с женщиной, которая не только была, как и я, Романовой, но и обладала тем же отчеством – Андреевна. Я никогда не скрывала своей биографии и не стыжусь своих родителей, но о прошлой жизни не распространяюсь и уж точно никому в Мопсине не говорила правды. Откуда Тамара узнала истинное положение дел?

Макеева разложила карты и подперла щеку кулаком.

– Скачем дальше на лихих конях… – протянула она. – Была ты замужем за плохим человеком. Выпал ему казенный дом, и дороги ваши разошлись. Не судьба вам вместе быть, но оно и к лучшему, потому что он плохо кончит. Звали твоего муженька… э… э… эту карту можно по-разному толковать, то ли он Алексей, то ли… Нет, здесь десятка червей. Михаил! Правильно?

Я чуть не свалилась с колченого стула. Когда Тамара завела разговор про наши отношения с Катей, я подумала, что Макеева могла случайно столкнуться на улице с Лизаветой или Кирюшей, порасспрашивать с пристрастием ребят и

узнать от них подробности. Но Михаил! Конечно, взрослые члены семьи в курсе того, что произошло у нас с мужем, но дети ничего не знают, имени моего «бывшего» никогда не слышали.

– Вот где ты работаешь, не вижу, – честно призналась Тома.

Я перевела дух. Никому из соседей я не сообщала, что являюсь совладелицей детективного агентства, которое создано на паях с Ниной Косарь, бывшим следователем районного отделения милиции. Наша контора не претендует на звание лидера, но вполне крепко стоит на ногах и заслужила хорошую репутацию. В апреле я всегда ухожу в отпуск. Почему для отдыха выбрала именно этот весенний месяц? Опыт подсказывает, что на рынке частных розыскных услуг есть два «мертвых» сезона – апрель и август. Еще штиль наступает накануне Нового года и в первые числа января. Нина – мать двоих сыновей-школьников, поэтому ей нужен август. Я не люблю ездить в жаркие страны, лежать на пляже и купаться, лучше всего мне в Мопсине, на диване, с книгой в одной руке и шоколадкой в другой, поэтому я бездельничаю в апреле. Ну а в дни царствования Деда Мороза мы с Ниной гуляем сообща. Не следует всем говорить о службе, в Мопсине я представилась менеджером.

Я покосилась на засаленные карты и быстро сказала:

– Спасибо, о работе не надо. Она не интересная, торгую понемногу.

– Сейчас ты решаешь какую-то проблему. Она тебя мучает, поэтому ты и пришла сюда. Спрашивай – отвечу, – кивнула Тома.

Прозорливость хозяйки настолько меня удивила, что я, недолго думая, брякнула:

– Кто жил в нашем доме раньше?

Тамара спокойно собрала колоду.

– Насплетничали про привидение? Ну, есть легенда про убитого купца. Вроде его дух по участку бродит и хозяевам мстит.

– Но это же ерунда? – дрожащим голосом спросила я.

Макеева пожала плечами.

– Я человек верующий, в церковь хожу, поэтому с призраками общаться не стану. Хочешь мой совет? Позови батюшку, пусть он коттедж освятит, тогда ничто черное к дому не приблизится. Могу с отцом Алексием сама договориться.

– Все так плохо? – испугалась я.

Тамара улыбнулась.

– Да нет. Мопсино давно существует, в каждом дворе своя напасть. У Леонтьевых вечно животные дохнут, никто не приживается; Карповы ребенка родить не смогли; у Прошкиных никогда денег нет. Болтает народ всякое. Дескать, прапрапрадед Олега Леонтьева людей на дороге грабил, собак убивал, кошек мучил, оттого на его дворе четвероногие погибают. А Матрена Карпова вроде местным бабам в тридцатые годы прошлого века тайком аборты делала, за что теперь ее внукам господь наследника не дает. Степан Прошкин как будто накануне Первой мировой войны, что в тысяча девятьсот четырнадцатом году приключилась, у местного церковного старосты казну украл, и в наказание за грех предка теперь семья вечно рубли теряет, какое дело ни начнут – прогорают с треском. А у вас привидение! Его, кстати, многие видели. Зинка Забелина чуть ума не лишилась, до сих пор ту историю вспоминает.

– Забелина? – переспросила я. – Никогда эту фамилию не слышала. Хотя со всеми жителями деревни я познакомиться еще не успела.

– Зинаида теперь в Кукушкино перебралась, – пояснила гадалка, – а участок свой Ефремовым продала, давно дело было. Очень уж ее тот неживой купец напугал! Но ты не бойся, вас привидение не тронет, оно тихое – по дому пошастает, повздыхает и спрячется. Если с ним случайно столкнешься, не ори, не убегай, веди себя спокойно.

– Хорошо тебе советовать, – вздрогнула я, невольно тоже переходя на «ты». – Боюсь, не смогу сохранить выдержку, завою от страха сиреной!

– Это неправильно, – поучала меня Макеева. – Купцу только того и надо, ему приятно людей пугать. Поймет твой ужас и захочет им постоянно питаться, будет из-за каждого угла на тебя налетать, руками размахивать. Надо с ним

вежливо поздороваться, поклониться и сказать: «Доброго вам вечера, дядюшка, здорово, что навестили, вам на кухне ужин приготовлен». А потом уходи, но медленно. Только не забудь у плиты чашку молока и кусок хлеба оставить. Купец пойдет, увидит еду, полакомится и поймет: тут его не боятся.

– Отличный совет, – хриплым голосом выговорила я, – спасибо, не премину им воспользоваться.

– Вот и ладно, – одобрила Тамара. – Еще лучше, если ты его по имени окликнешь, тогда вы подружитесь, он вам помогать станет, потерянные вещи принесет, недругов отпугнет, домовым хорошим будет.

– А как его зовут? – тут же спросила я.

– Сама придумай, – посоветовала Макеева. – Главное, чтобы имечко ему понравилось. Всякие там Арнольды-Эдуарды-Игнасио не подойдут, выбирай старинное русское. Знаешь, как от привидения ответ получить?

– Нет, никогда до сих пор не беседовала с призраками, – честно призналась я.

– Надо соблюсти несколько правил, – охотно поделилась секретами Тома. – Первое. Говори уважительно, но без подобострастия. Второе. Имена перечисляй медленно, он зашумит, когда приятное услышит. Третье. Ничего не бойся!

– Говорят, в нашем доме убийца жила, – жалобно пропищала я.

Макеева скрестила руки на груди.

– Брешут.

– Татьяна Привалова, – не сдалась я.

Тамара со вкусом чихнула.

– От народ! Ну что за люди? Вечно не туда носом лезут. Не переживай, обычное дело. Дочь приревновала отца к сыну. Сколько таких случаев! И убила Танька мальчишку в лесу, в овраге, никакого отношения ни к избе, ни к участку это не

имеет.

– Разве Миша был сын Федора? – удивилась я.

Тамара махнула рукой.

– Болтали такое. Дескать, из-за измены мужа Ирка и померла, сердце у нее не выдержало. Федька с Ветой в городе познакомился, они в одном институте работали. Спору нет, Ирка Привалову совсем не подходила, она, земля ей пухом, совсем тупой была, по складам читала. А Федор ученый, сам книги писал. Правда, Ира хорошая хозяйка была, жарила, варила, пекла, банки закручивала по сто штук. Но только о чем Феде с ней говорить, об огурцах? Вот он и скорефанился с Иветтой, та ему ровня, имелись у них темы для беседы. На Ирке Федька по принуждению женился, по залету, – испугался, что за совращение посадят. Вместе они не один год прожили, а потом добрые люди стуканули Ирке: «Твой мужик вторую семью имеет, там сын родился».

– Это правда? – перебила я.

Тамара хмыкнула.

– Свечку я не держала. Ирка один раз, давно еще, ко мне прибегала, в ногах валялась, просила приворот любимому сделать. Но я ей объяснила: этим не занимаюсь, могу лишь карты раскинуть.

– И какой расклад вышел? – проявила я неуместное любопытство.

– Секрет, – серьезно ответила Макеева. – Что кому напророчила, посторонним не разбалтываю.

Тома начала тасовать карты.

– Тысячи детей живут с мачехами, ругаются со сводными братьями-сестрами, но не помышляют об их убийстве, – пробормотала я. – Можно сколько угодно сетовать на обстоятельства или говорить о несправедливости судьбы, но решение лишить жизни другого человека убийца всегда принимает самостоятельно. Приваловой исполнилось восемнадцать лет, она по закону

ответила за свои поступки.

Тамара внимательно на меня посмотрела.

– Таню осудили, а Федя с Ветой уехали. Дом они продали, он несколько раз менял хозяев, последний владелец в нем не жил, сдавал его как дачу. Потом коттедж долго пустым стоял, а затем вы появились. Мой тебе совет: не копайся в чужом грязном белье, ненароком редкостную гадость нарыть можно. Если тебя так беспокоит история дома, то не следовало связываться со вторичкой, всегда лучше новый особняк строить, потому что у любой квартиры, если в ней люди жили, своя биография есть.

– Бывшая хозяйка нам ни словом ни о Приваловых, ни о привидении не обмолвилась, – возразила я.

– Вероятно, никто из тех, кто сюда переезжал, правды не знал, – защитила женщину Тома. – Федор хотел от недвижимости избавиться. А какой же продавец про свои неприятные тайны покупателю поведает? Расхвалил участок, поселок, цену чуть снизил – и положил деньги в карман.

Тамара зябко поежилась и накинула на плечи шаль.

– Похоже, дух пришел.

Я, тоже уловив дуновение сквозняка, испугалась.

– Чей?

Гадалка щелкнула языком.

– Не знаю, я не медиум, с загробным миром в контакт не вступаю, только кожей их ощущаю – холодно делается. Если температура внезапно понижается – стопроцентно дверь на тот свет приоткрылась. Может, Ира явилась?

Мне захотелось перекреститься. Необычное желание для женщины, которая даже «Отче наш» не сразу вспомнит.

Глава 9

Домой я вернулась в удрученном состоянии и сразу принялась за уборку. Стоит ли рассказывать домашним историю семьи Приваловых? Надо ли показывать им превращенный в жилую комнату подвал?

Спустя час я слегка успокоилась и решила держать язык за зубами. На майские праздники Лиза и Кирюша уедут на десять дней в Лондон – дети отправятся шлифовать английский язык, а Катя, Сережа и Юлечка собрались в Египет, покупаться в море и поесть свежей клубники. Я останусь одна, куплю на стройрынке сухую смесь и тщательно забетонирую вход в погреб, потом насыплю сверху земли, положу дерн и установлю там фигуру собаки из какого-нибудь искусственного материала, который не боится ни воды, ни мороза, ни жары. Что же касаемо привидений, то ни в каких убитых купцов я не верю! Но кто сидел в подземелье?

Я выключила пылесос и решительно направилась к телефону. Надо позвонить Олесе Рыбаковой и дать ей задание.

– Слушаю, – сухо сказала Олеська.

– Это Лампа, – быстро представилась я.

В голосе Рыбаковой зазвучали человеческие нотки.

– Привет, как дела?

– Все чудесно, дети здоровы, собаки скачут, – скороговоркой оттарабанила я. И без перехода стала диктовать: – Татьяна Федоровна Привалова, была прописана в деревне Мопсино, Московская область.

– Так… – официально-холодно отозвалась Олеся. – Что надо?

– Все! – заявила я. – Обстоятельства дела, где она отбывала срок, куда направилась после освобождения, имеет ли родственников, их адреса.

– Понятно, – коротко ответила Рыбакова.

– Сведения нужны срочно, – предупредила я.

– Неудивительно, – мирно отреагировала Олеся. – Еще никто не обращался ко мне со словами: «Подготовь справку через месяц».

– Ты уж постарайся, – попросила я Рыбакову.

– Завтра к полудню, – пообещала Олеся.

– Так долго! – возмутилась я.

– Рабочий день к концу подходит, – уперлась Рыбакова, – следовало с утра звонить!

– Сегодня никак не получится? – ныла я.

– Нет, – отрезала Олеся.

Пришлось отсоединяться и запастись терпением. Чтобы не думать постоянно о Приваловых, я развила бурную хозяйственную деятельность: помыла пол, приготовила ужин, испекла пирог. Едва я перевела дух, как вернулись из города домашние, и вечер потек своим чередом. Кирюше задали большое упражнение по русскому, и пришлось ему помогать. Лиза пыталась найти в Интернете выкройку для будущей куклы, которую выставят на благотворительном аукционе, но когда ее нашла, выяснилось, что девочка не понимает, как разложить ткань, и я, ясное дело, вооружилась мелком и ножницами.

Около часа ночи меня, крепко спавшую, разбудило странное копошение в коридоре. Сначала я подумала, что в спальню рвется кто-то из собак, но потом протерла глаза и обнаружила всех четырех мопсов на собственной кровати, Рейчел дрыхла в кресле, а Рамик свернулся клубочком на ковре у окна. Решив, что звук мне почудился спросонья, я снова улеглась, натянула на плечи одеяло, сунула правую руку под подушку, счастливо вздохнула и услышала из-под двери:

– Уффф!

Тот, кто имеет в доме животных, тут же поймет, о чем я веду речь. Если вы решили запереться в комнате и не пускать туда пса, то он ляжет на пол, вплотную придвинет нос к щели под дверью и начнет шумно вздыхать, надеясь образумить хозяина. Наши собаки не раз проделывали такой фокус. Но сейчас-то стая в полном составе мирно спит в моей спальне.

Я еще раз глянула на мопсов и поразилась. Муля, Феня, Капа и Ада, поджав хвосты, мелко-мелко тряслись. Похоже, подружек охватил страх. Рейчел с Рамиком тоже продемонстрировали явные признаки испуга: стаффордшириха шмыгнула под кровать, а двортерьер умудрился заползти в узкое пространство между комодом и стеной.

– Уффф, – повторил кто-то в коридоре.

Муля взвизгнула, Капа закашляла, Феня засопела, Ада распласталась под подушкой, а Рейчел и Рамик предпочли притвориться мертвыми.

Мне стало страшно.

– Кто там? – пытаясь придать голосу твердость, спросила я.

– Уффф, – ответили из коридора.

– Кирюша, прекрати баловаться! – приказала я. – Иди спать, ночь на дворе!

– Уффф, – прошипело в ответ.

Мне захотелось забиться под одеяло, навалить на голову подушку и стать незаметной. Но место под пуховой перинкой, под которой я, мерзлячка, предпочитаю спать в любое время года, уже оккупировали Муля, Феня и Капа, а под подушкой тряслась Ада. И вообще, человека украшает смелость!

Я встала на дрожащие ноги, сделала глубокий вздох, дошагала до двери и отважно рванула ее на себя. «Только бы в коридоре стоял Кирюшка», – мелькнула в голове трусливая мысль.

Но мальчика вблизи не оказалось. Я нажала на выключатель, вспыхнувшая лампа озарила пустое пространство и – тень, шмыгнувшую в библиотеку. Я разозлилась. Кто бродит по дому? Сейчас осторожно загляну ко всем в спальни и вычислю глупого шутника. Впрочем, и так знаю, кто он. Ни Сережке, ни Юле, ни Кате, ни уж тем более Костину не придет в голову шастать по ночам и меня пугать. Кстати, Вовка живет во флигеле, а вот Кирюшик как раз рядом с библиотекой. Небось кто-то из мопсинских подростков рассказал ему местную легенду о купце, и Кирик надумал позабавиться.

Вне себя от злости, я вошла в спальню мальчика… и обнаружила его мирно спящим в кровати. Мысленно попросив у него прощения, я заглянула к Лизавете, а потом навестила и остальных. Все благополучно смотрели седьмой сон. Так кто удрал в библиотеку?

Я погасила свет, вернулась в свою спальню, села на кровать, зевнула…

– Уффф, – прошелестело из-под двери.

Меня вихрем смело с матраса. Одним прыжком я преодолела расстояние от постели до порога, дернула дверь, включила свет и зажала рот рукой.

По коридору удирало нечто неописуемое – серо-белого цвета, небольшое, лохматое. Внезапно по ногам пробежал сквозняк, моя ночная рубашка раздулась от ветра, в босую пятку ткнулось что-то мокрое и холодное.

– Мама… – прошептала я, хватаясь за косяк. – Ой, мамочка!

Послышалось бодрое чихание, и я поняла, что это Рейчел пошла посмотреть, чем занята хозяйка, и прикоснулась к моей ноге своим носом.

– Фу… – выдохнула я и погрозила Рейчухе пальцем. – Ну ты меня и напугала… Больше так не делай! Теперь двигай со мной в библиотеку!

Наши собаки понимают много фраз. Иногда мне кажется, что словарный запас у псов больше, чем у некоторых телеведущих, вот только члены стаи пока не способны разговаривать. Стаффиха великолепно меня поняла и потрусила к комнате, заставленной книжными полками. Но замерла на пороге.

Я с изумлением наблюдала за Рейчухой. Вот уж кого нельзя назвать трусливой, так это ее. Терьериха обладает крупными размерами, устрашающими клыками и острым умом. Да, Рейч благородна, никогда не начнет драку первой, толерантна к кошкам и не обращает внимания на всякую тявкающую мелочь, пытающуюся повысить собственную самооценку, яростно облаивая на улице бойцового пса. Но военные действия Рейчел не затевает по причине хорошего воспитания, а вовсе не из трусости. Несколько раз она самоотверженно бросалась на людей, желавших нам навредить. Если Рейч сообразит, что хозяевам грозит опасность, она разорвет врага на конфетти.

Но сейчас со стаффихой творилось нечто неладное. Большая треугольная голова поникла, уши прилипли к черепу, спина странно сгорбилась, хвост загнулся под живот, задние лапы затряслись.

– Кто там? – сипло поинтересовалась я, превращаясь в каменное изваяние.

Рейчел упала на брюхо и, ловко орудуя лапами, поползла в сторону лестницы. Вот уж не предполагала, что собаки способны передвигаться подобным образом…

Я решила следовать советам, которые щедро дала мне Тамара Макеева, и прошептала:

– Вы кто? Привидение? Имейте в виду, я не боюсь призраков.

Из темноты донеслось тихое шуршание.

– Оставлю вам на кухне ужин!

– Умр, – раздалось в ответ.

Я воспрянула духом. Похоже, сработало.

– Хотите, дам вам имя? Допустим… э… Андрюша!

– Ш-ш-ш, – сердито ответили из глубины библиотеки.

– Ох, простите, я ошиблась! Вам не нравятся современные имена? Хотя Андреем звали Рублева, и вообще на Руси было много Андреев, – зачастила я. – Но если вам не по душе, то настаивать не стану. Иван?

В комнате сгустилось молчание.

– Ничего, ничего, – залебезила я. – Петр? Павел? Тимофей? Олег? Владимир? Никон? Митрофан?

Запас старинных имен начал иссякать. Лучше всего было сейчас взять энциклопедию имен, у нас есть такая, но она стоит в самом дальнем углу библиотеки, и для того, чтобы дойти до него, нужно пересечь всю комнату, а я категорически не способна на такой подвиг. Пришлось судорожно рыться в памяти.

– Кирилл? Мефодий? Изяслав? Малюта?

Раздалось тихое попискивание.

– Вам понравился Малюта? – на всякий случай переспросила я. – Лично у меня это имечко ассоциируется лишь с фамилией Скуратов. Малюта Скуратов! Считается, что верный слуга Ивана Грозного был очень жестоким человеком, хотя правды мы никогда не узнаем. Неужели вам хочется откликаться на Малюту Скуратова? Может, лучше остановимся на Тихоне, а? Тиша – очень мило, ласково, по-домашнему.

И тут до моего слуха донесся звук, описать который я не берусь. Он был тихим, но таким странным, что мой желудок моментально рухнул в пятки, сердце заколотилось о ребра, а волосы на затылке встали дыбом.

– Хорошо, хорошо, – с огромным трудом выдавила я из себя, – вы Малюта Скуратов. Сейчас побегу, поставлю около плиты ваш ужин. Главное, не нервничайте, а то еще, не дай бог, гипертонический криз заработаете.

Удивляясь собственной глупости, я, продолжая бормотать о необходимости сохранять спокойствие, пятясь задом, добралась до лестницы и на цыпочках спустилась вниз. «Лампа, ты невиданная дурочка! – ругала я себя напропалую. –

Разве у привидения может быть повышенное давление? У призрака нет крови в жилах. И пугать Малюту Скуратова ухудшением здоровья полнейшее идиотство. Он уже несколько столетий как умер, чего ему бояться?»

В семь утра меня разбудил истошный вопль:

– Лампа!!!

Я скатилась с кровати и заорала в ответ:

– Что???

– Зачем кричишь? – удивился Кирюшка, стоявший на пороге.

– Ты первый начал, – ответила я. – Господи, испугал-то как!

– Уже давно пора вставать, – сурово заявил негодник.

– У меня отпуск, – напомнила я, – могу спать до обеда.

– Извини, забыл! – Кирик хлопнул себя ладонью по лбу. – Ну, пока, мы в школу уезжаем.

– Эй, ты зачем приходил? – опомнилась я.

– «До свидания» сказать, – ответил Кирюшка и бочком просочился в коридор.

Как всегда, он не закрыл за собой плотно дверь, и я услышала шепоток Лизы:

– Сказал?

– Ну… в принципе… как посмотреть, – замямлил Кирик.

– Сказал? – повторила Лизавета.

– Нет, – признался Кирилл.

– Трус! – заклеймила его девочка.

– Сама почему не хочешь? – ринулся в бой Кирюшка.

– Я женщина, – с достоинством заявила Лизавета, – за нас проблемы должны решать мужчины.

– Лучше вечером, сейчас она не в настроении, – заявил Кирик.

– Долго мне вас ждать? – закричал со двора Сергей. – Попадем в пробку!

Голоса детей начали удаляться, потом стихли. Я умылась, спустилась вниз и нашла на столе около плиты полный стакан молока, в котором плавала муха. Малюта Скуратов отверг угощение. То ли ему не по вкусу питье из пакета (небось в реальной жизни он лакомился натуральными сливочками), то ли призрак крайне брезглив. Впрочем, я бы тоже не стала пить молоко с утонувшим в нем насекомым.

Дети снова навели порядок, запустили посудомойку и убрали со стола крошки. Желание заполучить кошку крепло у них день ото дня.

Я выпила кофе и решила посмотреть, сколько котлет осталось после вчерашнего ужина, но не нашла стеклянную кастрюльку. Сначала я удивилась: отлично помню, что пожарила вчера двадцать бифштексов. Юля, Лиза и Катюша съели по одному, Сережка с Кирюшей по два, а Вовка осилил три штуки. Произведем элементарное математическое действие и получим десять. Значит, столько же сейчас должно находиться в симпатичной посудине из огнеупорного материала. Мне свойственно некоторое занудство, я никогда не поставлю в холодильник сковородку, всегда переложу еду в чистую тару. И вчера поступила точно так же. Но котлеты были еще горячими, поэтому, отправляясь спать, я громко попросила:

– Тот, кто последним покинет кухню, должен убрать остывшую еду.

Однако, когда я ночью отправилась наливать Малюте Скуратову молоко, бифштексы по-прежнему были на плите. Почему я сама не запихнула их на полку холодильника? Спросите что-нибудь полегче. Не знаю! И все же сейчас котлет нигде не было, а я отлично знаю, что у нас ни дети, ни взрослые не станут завтракать котлетами. Так где еда?

Глава 10

Произведя тщательный обыск и не обнаружив никаких следов котлет, я позвонила Катюше.

– Я не заходила на кухню, – призналась подруга, – очень голова болела, позавтракала цитрамоном.

Юлечка, Сережка и Вовка тоже удивились моему вопросу и почти одними и теми же словами ответили:

– Я ничего, кроме йогурта, съесть утром не могу.

Лиза и Кирюша оказались недоступны, но детям слабо слопать десять здоровенных котлет. А еще вместе с ними испарилась ведь и стеклянная кастрюлька. Я пребывала в недоумении довольно долго, потом услышала телефонный звонок, стала искать трубку, увидела на полу около дивана небольшую кучку… сами понимаете чего, и сообразила: Малюта Скуратов! Это он сожрал мясо, кастрюлю прихватил с собой (уж не знаю, зачем она ему на том свете), а потом, не найдя туалета, набезобразничал на паркете. Наши собаки не станут столь разнузданно себя вести, да и их «визитные карточки» выглядят иначе.

– Мерзавец! – с чувством произнесла я.

– Ты мне? – удивилась Олеська, и я сообразила, что держу в руке сотовый.

– Нет, конечно, – опомнилась я. – Как поживаешь?

– Замечательно, – ответила Рыбакова. – У тебя все в порядке?

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Как Лампа и члены ее семьи получили дом в Мопсине, читайте в книге Дарьи Донцовой «Фанера Милосская», издательство «Эксмо».

2

История отношений Кати и Лампы рассказана в книге Дарьи Донцовой «Маникюр для покойника», издательство «Эксмо».

Купить: https://tellnovel.com/ru/darya-doncova/brachnyy-kontrakt-kentavra

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить